
КРИСТИНА ЮРАШ
Оскорблённая невеста герцога.
Временная жена генерала
Тёмные желания

Кристина Юраш

Оскорбленная невеста герцога. Временная жена генерала

https://litres.ru/74996334
SelfPub; 2026

Аннотация

— Это дверь для прислуги. Если хочешь носить мою фамилию, войдёшь через неё, моя дорогая невеста. Через парадный вход я провёл бы женщину, которую действительно хотел видеть своей женой!

За полчаса до свадьбы я бросила герцога, который унижал меня перед друзьями и шантажировал болезнью отца. А вместо него вышла заочно замуж за совершенно незнакомого генерала-дракона, которому нужна фиктивная жена и мать для осиротевшего по матери сына. Никакой любви!

Но стоило мне переступить порог поместья, как выяснилось страшное.

Пятилетний сын генерала голодает и живёт в комнате для прислуги. Зато сын наглой красавицы-экономки занял его детскую и ни в чём себе не отказывает!

А сама экономка уверяет, что родила ребёнка от моего мужа!

И кто же здесь настоящая хозяйка?

Тем временем бывший жених решил вернуть меня любой ценой. А генерал уже летит домой после моего письма с жалобой на издевательства над его сыном.

Вот только интересно, кому он поверит? Мне или ей?

Содержание

Пролог	7
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	45
Глава 13	49
Глава 14	52
Глава 15	54
Глава 16	57
Глава 17	60
Глава 18	64
Глава 19	67
Глава 20	70
Глава 21	73
Глава 22	77

Глава 23 80
Глава 24 84
Глава 25 88
Глава 26 91
Глава 27 95
Глава 28 98
Глава 29 102
Глава 30 105
Глава 31 108
Глава 32 111
Глава 33 115
Глава 34 119
Глава 35 122
Глава 36 125
Глава 37 128
Глава 38 131
Глава 39 134
Глава 40 137
Глава 41 141
Глава 42 145
Глава 43 148
Глава 44 152
Глава 45 155
Глава 46 158
Глава 47 161
Глава 48 164

Кристина Юраш
Оскорбленная невеста герцога. Временная жена генерала

Пролог

— Это дверь для прислуги. Если ты хочешь носить мою фамилию, то войдёшь в дом только через неё, моя дорогая невеста. **Через парадный вход я провёл бы женщину, которую действительно хотел видеть своей женой.** А наш с тобой брак — всего лишь исполнение обязательств моего отца перед твоим. Не путай одно с другим, Виен.

Я попыталась сглотнуть, но в горле стоял тугой ком.

Через несколько минут я должна была сказать «да» перед алтарём и превратиться в хозяйку этого дома. Но вместо парадного входа, аплодисментов и поздравлений мне предложили войти в дом через узкий проход для прислуги.

Прошла секунда, вторая, третья. Я даже не знала, что ответить.

Пока все разодетые гости собирались в главном зале, празднуя объединение двух семей, я стояла возле низкой

неказистой дверцы, которую придерживал лакей в ливрее. Мужчина опустил глаза, словно ему самому было стыдно выполнять приказ хозяина, но ослушаться он не смел.

За дверцей виднелись узкий пыльный проход, каменная лестница и развешанные у стены рабочие передники. Оттуда тянуло влажной тряпкой, пылью и чем-то съестным: должно быть, неподалёку находилась кухня. Стены были покрыты жирной копотью.

— Это шутка, Лит? — дрожащим голосом спросила я, глядя на моего жениха.

Он встретил меня возле кареты и вместо того, чтобы повести через главный вход, привёл сюда.

Я ждала, что мой жених, герцог Лит Эскет, улыбнётся и подтвердит, что это шутка, какой-нибудь семейный обычай или дань какой-нибудь древней и глупой традиции.

Сейчас я с радостью простила бы ему даже самую глупую шутку. Достаточно было рассмеяться, взять меня под руку и повести туда, где за высокими дверями звучала музыка и ждали гости, собравшиеся на нашу свадьбу.

Но мой жених не смеялся.

Красавец-дракон стоял рядом с низкой дверью в парадном камзоле, поправляя кружевной манжет, и ожидал, когда я пригнусь, прижму к себе пышные белоснежные юбки и сделаю шаг навстречу сырости, жиру и паутине.

Пышная юбка занимала едва ли не всю дорожку; вышитый серебром подол пришлось бы собрать в охапку, чтобы

протиснуться в проём. И я на секунду представила, во что превратится платье после того, как я сделаю шаг туда.

— Лит, — заговорила я, осторожно подбирая слова, — может, сегодня ты воздержишься от шуток? Нас уже ждут в зале.

— А кто тебе сказал, что это шутка? — удивился герцог, даже не взглянув на лакея. — Я совершенно серьёзен. Парадный вход для желанной невесты. Для нежеланной — дверь прислуги. Ты — нежеланная невеста, Виен.

От слова «нежеланная» у меня будто провалилось что-то под рёбрами. На мгновение стало пусто и холодно в животе, а потом кровь бросилась в лицо.

Ещё утром я стояла перед зеркалом в нашей гостиной, пока отец, укутанный пледом, разглядывал меня из кресла.

Он не смог подняться, чтобы поправить мне фату, зато заставил горничную поднести поближе лампу и долго изучал серебряную вышивку.

Потом попросил бумагу: хотел написать несколько слов, которые я прочту в экипаже по дороге к жениху. Пальцы его дрожали, и я сама придерживала лист.

«Пусть в новом доме тебе будет спокойно, девочка моя», — написал он.

Мне вдруг захотелось вытащить записку из спрятанного в рукаве кармашка. Проверить, не придумала ли я эти слова, потому что сейчас передо мной стояла чужая, низкая дверь, а рядом — жених, нетерпеливо ожидавший, когда я соглашусь

на унижение.

Мой бедный отец верил, что сегодня отдаёт меня человеку, рядом с которым мне больше не придётся бояться ни бедности, ни завтрашнего дня. Как я расскажу ему, что этот человек даже не пожелал впустить меня через парадную дверь?

И как смогу после этого взглянуть на отца, если всё-таки покорно пригнусь и войду?

— Я спрашиваю, почему в день свадьбы я должна идти через хозяйственный двор? — спросила я, едва справляясь с дрожью в голосе.

Мне захотелось закрыть руками белое платье: я ведь ехала сюда счастливой. Даже репетировала улыбку, чтобы не расплакаться от волнения у алтаря.

Как же стыдно было теперь за эту радость, о которой герцог Лит Эскет и не подозревал.

Лит повернулся ко мне всем корпусом. На его лице появилось то снисходительное выражение, которое я прежде принимала за терпение.

— Потому что ты слишком быстро привыкла считать себя герцогиней. Наши отцы заключили соглашение, Виен, и я его соблюдаю. Не стоит приписывать этому соглашению чувства, которых никто тебе не обещал.

Сердце колотилось так часто, что я чувствовала толчки под тесным корсетом, но руки, как ни странно, похолодели.

— Ты говорил, что рад нашей помолвке, — удивилась я. — Значит, ты лгал? Лгал моему отцу?

Я смотрела на Лита и пыталась совместить его слова с тем мужчиной, который сидел у отцовского кресла и уверял, что счастлив нашей помолвке.

Выходит, пока я выбирала цветы и училась ходить в тяжёлом платье, он уже решил, как и когда объяснит мне моё место. Я смотрела на его спокойное лицо и всё ещё ждала, что он пожалеет о сказанном.

— Я рад, что семейный вопрос наконец будет закрыт. И старый долг моей семьи будет погашен, — снисходительно произнёс Лит.

Позади нас раздались смешки.

Я обернулась. У поворота дорожки остановились два приятеля Лита — нарядные, с бутоньерками, которые ещё недавно улыбались мне и желали счастливого брака. Один облокотился о декоративную каменную вазу и разглядывал мою фату так откровенно, будто собирался оценить её стоимость. Другой нагнулся к нему, что-то шепнул, и оба снова засмеялись.

— Господа, вы не могли бы оставить нас? — нервно попросила я.

Слова прозвучали ровно, хотя щёки уже горели.

— А зачем? — с весёлым недоумением спросил тот, что стоял ближе. — Разве у нас тут тайна?

— Ты только погляди на нее! Невеста стесняется, — пояснил второй и обратился ко мне: — О, если ты решила стать женой герцога, то стоит знать свое место!

Он тут же посмотрел на меня, словно оценивая стоимость моего платья.

— Или ты думала, что станешь герцогиней и будешь пальчиком указывать: «Хочу это, хочу то»? Да ты должна Литу ноги целовать за то, что он вообще согласился жениться на такой, как ты! Вокруг столько блистательных красавиц с роскошным приданым, а он женится на тебе. Благодари его каждый день за то, что он тебя выбрал!

Они опять рассмеялись. Лит не одёрнул их. Напротив, сдвинулся в сторону, словно предоставляя приятелям возможность получше рассмотреть, как я стою перед порогом.

— Посмотрите на платье, — протянул один из них. — Удивительно, что кредиторы отца не забрали его прямо из мастерской.

— Да ладно тебе! Они ещё придут, — подхватил другой. — Представляю, как снимут с хозяйской дочки последнее платье! «Сударь, умоляю, оставьте хотя бы это! Мне замуж ещё выходить!» А ей скажут: «Можете завернуться в портьеру». Хотя постой, портьеры-то вынесли ещё в прошлый раз!

Они хлопали друг друга по плечам и смеялись так громко, что из глубины служебного коридора выглянула женщина в чепце. Увидев нас, она поспешила скрыться. Лакей, всё ещё державший дверь, не поднимал глаз.

Лит слышал каждое слово.

От хохота его приятелей меня замутило: пришлось крепче сжать губы и сделать медленный вдох через нос, чтобы не

выдать себя.

Я смотрела на жениха и ждала, что он остановит их. Ведь он сам бывал у нас дома, видел, с каким трудом папа поднимался из кресла, как старался держаться бодро при гостях.

Теперь подробности нашей беды стали поводом для забавы.

Лит же только взглянул на часы. В ушах неприятно шумело, и мне захотелось заслонить от этих людей отцовский дом, будто они и впрямь могли добраться до него своими грязными шутками.

— Ты так и будешь слушать, как твои друзья оскорбляют твою будущую жену?! — с дрожью в голосе спросила я.

Глава 1

Я едва удержалась, чтобы не повторить просьбу. Мне было стыдно оттого, что я вынуждена выпрашивать у собственного жениха такую малость — прекратить издевательства над моей семьёй.

Ещё хуже было видеть, что он не считает нужным даже ответить.

— Давай быстрее. Мы опаздываем на нашу свадьбу. Гости уже ждут! — раздражённо произнес он.

Сейчас этим людям было весело оттого, что мой отец болен, а мы вынуждены считать деньги на лекарства. Я сама рассказала Литу о долгах, не утаивая ничего: будущий муж должен был знать, с какой семьей собирается породниться.

Он выслушивал меня, хмурился и обещал, что после свадьбы возьмёт заботы на себя. Я верила. А теперь его друзья повторяли наши беды, словно услышали их за кружкой вина.

— Ты позволишь им так говорить о моём отце? — спросила я у жениха.

Я ведь не только согласилась стать его женой. Я успела к нему привязаться — ждала его визитов, узнавала стук колёс экипажа, радовалась, когда он задерживался у нас после ужина. Я рассказывала ему о долгах и папиной болезни, потому что считала его близким человеком.

— Не будь слишком чувствительной. Они не со зла. По-

ложение вашей семьи и так всем известно, — ответил Лит и протянул ладонь к моей спине. — Пойдём. Мне не хочется начинать семейную жизнь с твоих капризов! Быстро входи в дом!

Он попробовал направить меня к проходу. Я отступила, и каблук застрял между камнями дорожки. Пришлось подхватить юбку, чтобы не упасть. Сквозь тонкую перчатку пальцы ощутили тяжёлую вышивку; портниха пришивала её по ночам, чтобы успеть к сегодняшнему дню.

— Отпусти меня, — резко попросила я.

Лит не отступил. Он наклонился к моему уху, пряча слова от приятелей, хотя руку с моей спины так и не убрал.

— Не позорь себя. Тебе предлагают стать герцогиней Эскет. Девушка в твоём положении должна благодарить судьбу за такую возможность. Правильно сказал Джеральд. Ты должна ноги целовать мне за то, что я беру тебя в жёны!

Наверное, уже представлял, как я опущу глаза и послушно выполню распоряжение.

Я и сама ещё недавно представляла нашу свадьбу иначе: мы войдём в зал рядом, отец не сможет приехать, но я буду держать в памяти его улыбку, а Лит бережно возьмёт меня за руку у алтаря.

Теперь мне предстояло начать этот брак, пригнувшись перед хозяйственным порогом, пока друзья жениха обсуждают, во что я завернусь, когда кредиторы отнимут платье.

Я резко выдохнула, чувствуя, как обида внутри перераста-

ет в гордость. Может, наша семья и бедна, но никто не имеет права смеяться над моим отцом!

— Проводи меня через парадный вход, — твёрдо сказала я. — Если это пустяк, как ты утверждаешь, тебе будет нетрудно.

Жених убрал руку с моей спины.

— Ты меня не услышала? Через парадный вход я провёл бы женщину, которую хотел видеть рядом с собой. Тебя я веду туда, куда считаю нужным. Сделай хотя бы сегодня вид, что умеешь повиноваться. Это очень полезное качество для такой второсортной невесты, как ты.

Я разжала пальцы, и тяжёлая юбка опустилась на туфли. Колени вдруг ослабели.

Мне стало жалко себя — ту утреннюю Виен, которая берегла вышивку от случайной складки и надеялась, что Лит будет рад увидеть её в свадебном платье.

В груди сжалось так сильно, что я не сразу смогла вдохнуть. Если сейчас войду через дверь для прислуги, до конца жизни не отмоюсь от этого позора.

— В таком случае свадьбы не будет, — тихо произнесла я.

Глава 2

Сердце сделало отчётливый удар. Такой резкий и гулкий, что я его почувствовала в груди. Словно точка в конце истории. Неужели я произнесла эти слова вслух?

Лит перестал поправлять манжет.

Один из приятелей осёкся на середине смешка, а лакей наконец поднял глаза. Никто из них, кажется, не понял, что именно я сказала.

— А ну-ка, повтори, что ты сказала? — произнёс Лит, хмуря брови.

— Я сказала, что я… я не войду в твой дом через дверь для прислуги. И замуж за тебя не выйду! — выпалила я.

Я старалась говорить отчётливо, хотя при каждом вдохе корсет врезался под рёбра. От страха хотелось заплакать, попросить Лита опомниться, объяснить, что всё происходящее — какое-то чудовищное недоразумение.

Но он смотрел на меня так, будто ему было гораздо важнее сломить моё упрямство, чем не потерять невесту.

— Тебе известно, сколько людей сейчас ждут в зале?

Жених шагнул вперёд, и мне пришлось отступить на край дорожки. Его голос стал громче и страшнее.

— Ты хоть знаешь, сколько денег потрачено на церемонию? И это явно не деньги твоей семьи! Ты должна быть благодарна за то, что моя семья взяла на себя все расходы на

свадьбу. Ты собираешься сорвать свадьбу из-за собственного упрямства? — проревел он, будто уверенный, что одним тоном заставит меня извиниться и согласиться с ним.

— Гордости, — глухо произнесла я, глядя на жениха.

— Что?! — переспросил Лит, хмурясь так, словно это слово никак не сочеталось с моим скромным приданым.

— Я собираюсь отказаться от свадьбы из-за гордости! — громче произнесла я, видя, как приятели жениха умолкли и переглянулись. — Я не войду в этот дом через дверь прислуги. Никогда. Пусть мой род и беден, но в нас ещё есть гордость!

Я подняла руки к причёске. Шпильки держали фату крепко; первая зацепила волосы, и я невольно поморщилась. Лит потянулся к моим пальцам, словно собирался остановить меня, но я отвернулась и вытащила следующую шпильку. Кружево медленно сползло на плечо.

— Что ты делаешь? — спросил он уже громче.

В его глазах застыло непонимание. Он всё ещё хмурился, но было поздно.

— Снимаю фату, — глухо произнесла я.

— О, ты смотри! Смотри, что она делает! — воскликнул один из его приятелей, толкнув другого локтем.

— Надень обратно, пока я не разозлился! — прорычал Лит. — Если ты будешь так себя вести, то я точно передумаю брать тебя в жены! Быстро извинись за свои слова!

Я увидела приятелей Лита у вазы, лакея с распахнутой

дверью, двух служанок, выглядывавших из коридора.

От их взглядов у меня обожгло шею и уши; даже под волосами кожа горела, будто все они стояли слишком близко.

Мне захотелось прикрыть лицо. Больше всего ранило то, что я всё ещё ждала от него защиты, хотя именно он сделал меня посмешищем.

Лит схватил меня за запястье, когда я потянулась к последней шпильке. От неожиданности я дёрнулась; волосы больно натянулись, а фата повисла набок.

— Отпусти! Немедленно! Ты делаешь мне больно, — сказала я, пытаясь высвободить руку.

Глава 3

Его пальцы сжались ещё сильнее.

— Тогда перестань вырываться и слушай, что тебе говорят. Ты моя жена! Подчиняйся!

Я посмотрела на его руку. Когда он ухаживал за мной, он всегда спрашивал позволения подать мне ладонь, даже когда нужно было помочь сойти с экипажа. Сейчас ему не пришло в голову спросить, можно ли удерживать меня силой.

— Я ещё не сказала «да», — предупредила я. — И будь уверен, после того, что случилось, я никогда его не скажу. Свадьбы не будет, Лит. Это моё решение!

Он разжал пальцы. Я не стала тереть запястье, хотя оно болело после захвата.

Вместо этого я сняла последнюю шпильку, осторожно освободила кружево от вышивки и сунула фату на руки ошеломлённому лакею. Тот принял её не сразу; ему пришлось выпустить створку, и дверь для прислуги захлопнулась с глухим стуком.

Это был первый приятный звук за всё утро.

Помолвочное кольцо снималось туго, но я сдирала его с пальца, чувствуя, как сам палец горит.

Я прекрасно помнила, как Лит надевал его мне на палец в нашей гостиной.

Отец тогда настоял на том, чтобы подняться с кресла, хоть

лекарь и запрещал ему долго стоять.

Он обнял нас обоих и назвал тот день самым счастливым после смерти мамы.

Сейчас оправа застряла на суставе. Я потянула сильнее и почти обрадовалась этой маленькой боли — было легче сосредоточиться на пальце, чем на счастье, которое я себе придумала.

— Надень немедленно! — сквозь зубы произнёс Лит.

Когда дорогое кольцо наконец соскользнуло, мне захотелось зажать его в ладони и никуда не отдавать. Но я чувствовала такую злость, что меня начинало трясти.

— Лит, я отказываюсь от помолвки. Забери своё кольцо! — зарычала я, бросив его в лицо жениху.

Оно ударилось о его лоб, и на лбу проступила чешуя дракона.

— Что ты о себе возомнила? — спросил он с удивительной тихой яростью. — Что можешь выйти отсюда и найти кого-то лучше? Ты на себя посмотри! И куда ты пойдешь? Невеста, чья свадьба так и не состоялась! Вот это позор на всю жизнь! Твоя семья нищая! Нищая! Тебе дорога только в гувернантки или учительницы! Я предлагаю тебе титул!

Я знала, что я хотела бы ответить, но промолчала. Внутри звенела холодом пустота. Всё было как во сне.

Я направилась к экипажу, подхватив тяжёлый подол обеими руками.

— Если ты сейчас же не вернёшься, я… я разорву помолв-

ку! Я перечеркну твое будущее! Слышишь? — донесся голос жениха.

Ноги плохо слушались; колени подрагивали от напряжения, и приходилось смотреть под ноги, чтобы не зацепиться за шлейф.

Меня так и тянуло оглянуться: вдруг Лит окликнет иначе, попросит прощения не для гостей, а для меня самой?

Я ненавидела это желание, но оно не исчезало.

За несколько шагов от двери я успела вспомнить, как вчера вечером выбирала, какие цветы вплести в волосы, и теперь мне стало обидно до слёз за ту девушку, которая уснула в уверенности, что завтра станет счастливой женой.

Я шла, чувствуя, как подступают слёзы, и боялась, что если он сейчас скажет одно доброе слово, мне не хватит сил уйти.

Глава 4

Возница спрыгнул с козел, едва увидел меня. Он посмотрел на растрёпанные волосы, на фату в руках лакея, который не знал, куда её деть, и ничего не спросил.

Мне хотелось поблагодарить его за это молчание, но я боялась, что от первого же доброго слова расплачусь.

— Виен! — Лит догнал меня прежде, чем возница открыл дверцу экипажа. — Постой, дорогая. Ты всё поняла совершенно неправильно. Пойдём, вернёмся к гостям. Они уже ждут. Все, пошутили и хватит.

Я медленно обернулась.

Лит улыбался, причём так старательно, что я вспомнила его лицо на официальных портретах: именно такую улыбку он надевал перед гостями, которых терпеть не мог.

— Это была шутка, — объявил он достаточно громко, чтобы его услышали приятели. — Неудачная, признаю. Я хотел провести тебя неожиданным путём и удивить всех, когда мы появимся в зале. Ну, сама понимаешь, перестарался. Давай забудем. Время! Нас уже ждут!

Он предложил локоть. Я видела следы на запястье, оставленные его пальцами, и не могла заставить себя к нему прикоснуться.

— Ты сказал, что через парадный вход провёл бы желанную женщину. А женишься на мне только ради обязатель-

ства отца. Это тоже было частью шутки? — спросила я.

Лит отвёл взгляд в сторону дома. Музыка, доносившаяся из открытых окон, стала громче — кто-то там, наверное, подавал знак начинать церемонию.

— Не цепляйся к каждому слову. Я ведь признал, что поступил глупо, — произнёс Лит и нагнулся, стараясь поймать мой взгляд. — Милая, ты получишь всё, о чём мечтала. Титул, дом, положение в обществе. Даже помощь твоему отцу. Лучшие лекари, лучшие лекарства. Неужели тебе мало?

Мне хотелось спросить, почему среди перечисленного нет ни единого слова обо мне. Но я уже знала ответ и не собиралась выпрашивать его у человека, который только что позволил друзьям смеяться над моей семьёй.

— Твоих извинений достаточно, чтобы я больше не считала тебя врагом, — твёрдо сказала я. — Но недостаточно, чтобы снова стать твоей невестой.

Глава 5

Улыбка исчезла с его лица. Он снова хмурился.

— Не говори глупостей. Ты же понимаешь, что останешься ни с чем? Твоя семья рассчитывала на этот брак! — произнёс Лит негромко.

— Но папа меня поймёт, когда узнает, почему я отказалась, — улыбнулась я, а уголки губ дрогнули от нервов. — Прощай, Лит.

Лит оттеснил возницу плечом и встал между мной и экипажем.

Теперь ему не требовалось изображать веселье перед свидетелями — приятели остались возле дома, а слуги делали вид, что заняты своими делами.

— Через пару часов вся столица узнает, что свадьбы не будет, — произнёс он. — Даже если какой-нибудь несчастный согласится взять тебя без приданого, его семья запретит ему связываться с женщиной, которая опозорила жениха. И кем ты станешь? Гувернанткой? Компаньонкой у престарелой вдовы? Тебя хватит на месяц такой жизни.

Я хотела возразить, что умею работать. Что дома я работала наравне со служанкой и не жаловалась.

Но вспомнила счета за лекарства, которые прятала от отца, чтобы он лишний раз не волновался, и не смогла произнести ни слова. Лит заметил моё замешательство.

— А отец? — спросил он уже спокойнее. — Ты уедешь отсюда и что ему скажешь? Что отвергла единственного человека, способного оплатить лечение? Подумай, Виен. Он ведь болен. Насколько я помню, лекарь не обещал вам долгих лет.

Я крепче ухватилась за дверцу экипажа, чтобы не шагнуть обратно к Литу.

Стоило ему заговорить об отце, как земля словно качнулась под ногами; на мгновение я потеряла ощущение твёрдой опоры и вцепилась в деревянную раму.

Перед глазами возникли папины исхудавшие кисти поверх пледа.

Под ложечкой неприятно засосало. Мне хотелось вернуться, сказать Литу «хорошо» и избавить папу от тревоги. Я даже повернула голову к жениху, прежде чем вспомнила, что он потребовал за эту помощь.

— После свадьбы я оплатил бы всё необходимое. Подумай над этим. — Лит протянул руку, на этот раз ладонью вверх. — Ещё не поздно всё исправить. Возвращайся.

Теперь он предлагал всё то же — руку, дом, деньги для отца, — но только если я соглашусь забыть сегодняшний день.

Самым мучительным было понимание, что на одно мгновение я действительно захотела принять его ладонь. Не ради герцогского титула. Ради папы.

Он не заметил, как моя рука чуть приподнялась, но я остановила её и сжала в кулак.

— Отойди, пожалуйста. Я хочу уехать, — произнесла я,

чувствуя, как гордость не позволяет мне сдаться.

Глава 6

Я попыталась залезть в карету, но Лит не давал мне это сделать.

— Виен! Послушай, — прошептал Лит. — Это была шутка. Просто глупая шутка…

— В которой есть доля правды, — шёпотом ответила я. — И да, свадьбы не будет. Можешь объявить это гостям. Прямо сейчас.

— Господин! — послышался запыхавшийся голос.

Старый дворецкий семьи Эскет стоял позади Лита и утирал пот со лба белоснежным платком.

— Пора начинать церемонию. Гости уже собрались, — произнес он, стараясь побороть одышку. — Распорядитель и оркестр ждут. Я пока сказал гостям прогуляться. В зале очень душно…

— Сейчас, погоди! Скажи им, чтобы подождали! Тут невеста решила капризничать! Как всегда в последний момент! — раздражённо отмахнулся Лит.

— Передайте всем, что свадьбы не будет! — крикнула я. — Я отказываюсь быть невестой герцога.

Гости, слуги и дворецкий замерли, глядя на меня. Даже дружки Лита перестали смеяться.

— Я отказываюсь от чести стать герцогиней Эскет, — громко произнесла я. — И сейчас я еду домой. Благодарю за

тёплый прием.

Гости тут же стали переговариваться: «Виконтесса бросила герцога! Интересно, что она узнала о его измене?» Шёпот перерос в настоящую бурю. Гости все прибывали на улицу.

— Зайдите в зал. Церемония сейчас начнётся, — произнёс Лит, глядя на меня со злостью. — Просто невеста… перенервничала перед свадьбой. Такое бывает.

Пока Лит успокаивал гостей, объясняя, что это я такая нервная и впечатлительная, я села в карету. Возница захлопнул дверцу, и голоса гостей стали приглушёнными, но всё ещё различимыми. Кто-то смеялся, кто-то громко требовал объяснений.

Только теперь поняла, как сильно у меня дрожат колени. Я попыталась расправить юбку, но пальцы никак не могли ухватить складку. Пришлось опустить руки на колени и несколько раз медленно вдохнуть, пока перед глазами не перестали плавать тёмные пятна.

Мне хотелось домой. К папе. Уткнуться лицом в его плечо, как в детстве, и признаться, что я всё испортила. Что не смогла выйти замуж за человека, который обещал нас спасти.

В окошко негромко постучали.

— Госпожа Райх? Простите за беспокойство. Вы не уделите мне несколько минут?

За окошком стоял мужчина в тёмном сюртуке. Судя по спокойной осанке, он привык разговаривать с людьми, чьё

положение выше его собственного, и не особенно боялся их недовольства.

Я кивнула. Мужчина обошёл карету с другой стороны. Раньше кареты были с дверцами с обеих сторон. Но потом в моду вошли кареты “боковушки” с одной дверью.

— Откуда вы знали, что здесь дверь? — спросила я, открывая дверцу.

Он забрался в карету и устроился напротив.

— Я очень хорошо знаю вашу карету, — усмехнулся он. — Госпожа Виен Райх? Вы точно отказываетесь от свадьбы с герцогом?

— Да. Точно. А вы, простите, кто? — спросила я, глядя на папку. На мгновение я представила, что в ней лежит брачный договор, который подписал мой отец и Лит Эскет. И сейчас меня заставят силой выйти замуж за Лита.

Глава 7

— Я поверенный генерала Тейнриха Ильгрейса. Я приехал по поручению его превосходительства, надеясь переговорить с одной из приглашённых на торжество дам.

Услышав имя генерала, я невольно посмотрела на папку.

— Я понимаю, в каком вы сейчас положении, мисс Райх, — выдохнул он. — И у меня к вам есть довольно странное предложение.

О Тейнрихе Ильгрейсе писали в газетах: очередная военная победа, очередной опасный вылет, ещё один отряд, который удалось вывести из окружения. Его имя всегда печатали рядом со словом «герой». Я не понимала, какое отношение знаменитый военачальник может иметь ко мне.

— Что вам нужно? — спросила я, стараясь смахнуть выступившие слёзы.

Сиденье скрипнуло, когда поверенный придвинулся ко мне.

— Она никуда не пойдет! — резко произнёс Лит за дверцей. — Это приказ! Сейчас придут горничные и приведут ее в порядок перед выходом в зал! Перегородите дорогу! Не выпускать карету!

Я понимала, как странно всё это выглядело: невеста, только что отказавшаяся от свадьбы, сидела в карете и разговаривала с незнакомцем. Он подошёл совсем не вовремя, но,

похоже, не собирался уходить, пока не объяснит своё предложение.

— Я в замешательстве, — предупредила я незнакомца. — И, боюсь, пока не понимаю, какие дела могут связывать мою семью и семью генерала.

Мужчина на мгновение удивился. Потом уголки его рта едва заметно дрогнули.

— Ах, сейчас объясню. Я хорошо знаком с вашим отцом. И мы часто сотрудничали с ним в хорошие времена, — вздохнул поверенный, словно вспоминая что-то хорошее. — Вы меня можете не помнить, но когда-то я часто был вхож в ваш дом.

Я посмотрела на мужчину, понимая, что его черты лица вдруг показались смутно знакомыми.

— Так вот, я вижу, в каком затруднительном положении вы оказались сейчас. И прекрасно знаю, как ужасно идут дела вашей семьи, — произнес он, пока я пыталась припомнить его в нашем доме.

— Дело в том, что генералу нужна супруга. Срочно. В его обстоятельствах речь идёт о законном браке без обычного ухаживания и торжеств.

Я невольно потянулась к кожаной папке в руках поверенного, но вовремя остановилась. Мужчина терпеливо ждал, пока я решусь переспросить.

— Супруга? Генералу Ильгрейсу?

Я вспомнила красавца-генерала, который принимал парад

рядом с королём. О нём мечтали женщины всей столицы — о герое, воине и драконе. Поэтому предложение показалось мне злой шуткой: как мог такой мужчина искать невесту по договору через поверенного?

— Простите, — наконец произнесла я, глядя на поверенного. — Но с меня хватит шуток на сегодня. Немедленно покиньте карету, я уезжаю домой.

Глава 8

— С чего вы решили, что это шутка? — спросил поверенный.

Мне даже неловко было представить, что красавцу, герою войны, чьи портреты женщины целуют и прижимают к груди, приходится искать невесту таким унизительным способом!

— Я совершенно серьезен. Я получил полномочия искать подходящую кандидатуру среди дам, согласных на определённые условия. Я кое-что услышал, когда вышел из зала. И понял, что вы находитесь в неприятной ситуации. Я прекрасно понимаю, что предложение неожиданное и момент крайне неудачный, но вы, судя по всему, больше не связаны помолвкой, юная мисс Райх.

Сейчас я его вспомнила: «Доброго вечера, юная мисс Райх!» Тогда он был моложе. Глаза казались ярче, борода гуще и седина на висках не казалась такой яркой. Тогда её ещё не было.

Тогда фамилия Райх гремела на всю столицу. Верфи, которые принадлежали нам, приносили огромный доход. Мой отец был одним из первых аристократов, которые решили не проедать семейное состояние, а приумножать его.

А потом генерал Ильгрейс отвоевал перевал. И верфи стали не нужны. Море, известное своим своенравным характером, штормами и штилями, стало не таким привлекатель-

ным для купцов. Они предпочли пользоваться прямым сухопутным путем. Корабли до сих пор стоят в доках, покачиваясь на волнах. Стареют, как и память о величии нашей семьи.

Лишь оттиск на дереве «Райх» напоминает миру о том, кто ремонтировал эти суда.

— Для вас это сейчас выход. Вы сами понимаете, они вас сожрут, — сглотнул поверенный. — Но имя генерала сможет вас защитить.

Я сжала пальцы на складке юбки. Ещё сегодня утром я считала, что стану женой одного дракона. Теперь незнакомый поверенный предлагал мне брак с другим, о котором я знала только по газетам. Сама мысль казалась безумной.

— Вы можете объяснить условия? — спросила я.

Внутри всё дрожало от волнения. Неужели я смогу согласиться?

Это выглядело как безумие! И я потрясла головой, словно пытаясь привести себя в чувство.

— Генерал — вдовец, он часто отсутствует. У него малолетний сын, оставшийся без матери. Мальчику нужна женщина, которая будет жить в семейном доме, следить за хозяйством и заботиться о нём. Генерал постоянно находится на службе, а служба его, как вы знаете, опасна. Если он не вернётся, ребёнок не должен остаться без законной защиты. Ради этого и требуется супруга, а не наёмная воспитательница.

Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

Без матери. Маленький мальчик, которому грозит потерять ещё и отца. Я не имела опыта обращения с детьми и вовсе не представляла себя матерью, но сейчас спросила не об этом.

— А почему он не найдёт женщину, которая полюбит его?

— Потому что у его превосходительства нет времени и желания обещать чувства, которых он не может предложить. Предполагается формальный союз. Все имущественные и опекунские условия будут изложены в документах. До их подписания вы ничем не обязаны, — пояснил поверенный.

— Значит, он до сих пор любит покойную жену? — спросила я, не удержавшись.

Поверенный осторожно разгладил край папки. — Я не возьмусь говорить за сердце генерала, госпожа Райх. Но с тех пор, как леди Ильгрейс не стало, он не искал ей замены. И нынешний брак нужен ему ради сына, а не ради собственного утешения.

Я смотрела на строгие строки договора и неожиданно почувствовала уважение к мужчине, которого ещё не знала. Лит легко разбрасывался клятвами, а Тейнрих, если поверенный говорил правду, продолжал хранить верность женщине, которой уже не было на свете. Разве не таким должен быть настоящий мужчина? Мне вдруг показалось, что передо мной редкий образец верности — почти недостижимый идеал.

Лит стоял возле экипажа с выражением человека, которому слишком долго приходится ждать. Он не мог слышать

разговор, но явно был уверен, что я скоро вернусь.

— И что получит жена генерала? — спросила я. Мне было стыдно задавать такой вопрос, но отец сидел сейчас дома, а лекарства не становились дешевле от моей гордости.

Глава 9

— Содержание, положение законной супруги и средства для ведения дома. Личные условия обсуждаются отдельно. Я не стану обещать сумму, которой не вправе распоряжаться, но генерал не нуждается в деньгах жены. Поэтому ваше приданое его не интересует.

Впервые за всё утро кто-то разговаривал со мной так, словно я могу задавать вопросы и самостоятельно решать свою судьбу. От этого хотелось одновременно рассмеяться и заплакать.

— Вы понимаете, что я только что отказалась от свадьбы? — спросила я, размазывая слезы. — Вся столица будет говорить обо мне. Ваш генерал наверняка не захочет связываться с женщиной, оказавшейся в центре такого скандала.

— Насколько я понял, госпожа Райх, это вы отказались входить в дом.

Поверенный отогнул занавеску и выглянул на улицу. На мгновение промелькнул нарядный камзол жениха. Он аккуратно задвинул занавеску, вздохнул и продолжил:

— А генерал поручил мне искать не безупречную светскую репутацию, а человека, которому можно доверить ребёнка. Сам генерал не собирается одобрять кандидатуру: он на фронте и полностью доверил выбор мне. Ему безразличны приданое, красота и громкость фамилии. Он хочет одно-

го — чтобы женщина, которую я приведу в дом, заботилась о Ренгольде. Полномочия выбрать супругу и заключить брак от его имени у меня уже есть.

— Есть ещё одно условие, — поверенный придвинул ко мне папку и указал пальцем на строчку. — Его превосходительство требует от будущей супруги безупречной нравственности. Даже во время его долгих отлучек вы не должны заводить любовников, принимать двусмысленные ухаживания и позорить имя рода Ильгрейс.

— Он не обещает мне любви, но требует, чтобы я хранила ему верность? — Я недоверчиво подняла глаза.

— Именно. Если условие будет нарушено, генерал немедленно отстранит вас от обязанностей хозяйки дома, потребует развода и прекратит содержание.

Я провела пальцем по складке измятого свадебного платья. Всё больше походило на службу, с которой можно быть уволенной за проступок. Но после сегодняшнего утра мне не хотелось ни ухаживаний, ни новых обещаний любви.

— То есть, вы хотите сказать, что если я не понравлюсь вашему хозяину, он просто выставит меня из дома? — спросила я, пытаясь успокоиться.

Глава 10

— Ну, вы сказали грубо. Господин генерал хоть и отличается грубым нравом, но, поверьте, он готов будет выделить вам сумму откупных. Сделка очень выгодна для вас. Статус, брак и откупные, если вы не устроите жениха. Он не собирается оглашать причины развода, так что он пройдёт тихо.

— Так же, как и свадьба? — спросила я, глядя на документы.

Я снова вспомнила отцовскую записку. «Пусть в новом доме тебе будет спокойно». Неужели за одно утро судьба предлагала мне второй дом — на этот раз без пышной церемонии и без обещаний любви?

Я не знала, окажется ли он спокойнее первого. Но у меня хотя бы была возможность узнать условия прежде, чем переступить порог.

— Я хочу увидеть документы, — сказала я поверенному. — И услышать всё, что от меня потребуют. Не соглашусь на тайные условия, о которых узнаю после свадьбы.

Он поклонился.

— Именно так и следует поступить. Вы переняли хватку вашего отца. Жаль, конечно, что вы не сын. Если бы у вашего отца был сын, тот смог бы унаследовать верфи. Жаль… Очень жаль… — вздохнул поверенный.

После того как отец отошёл от дел из-за болезни, верфи

стали совсем убыточными. И я часто с грустью смотрела на портреты кораблей, которыми гордилась верфь, вспоминала крики чаек, жадно хватающих хлеб, и шелест волн.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

— Ты там скоро? Гости уже собрались! Хватит дурить! — послышался раздражённый голос Лита. Он стучал в дверь кареты. — Ты всё равно никуда не уедешь. Хватит делать из свадьбы посмешище! Выходи! Горничная уже ждёт! Все тебя ждут, Виен.

— Нет, — ответила я.

— Не заставляй меня выламывать дверь, — произнёс Лит. — Мы уже достаточно порадовали гостей будущими сплетнями.

Я молчала. За дверью был Лит. На моих коленях лежали документы. Я подняла глаза к обшивке потолка, которую обновили в честь свадьбы, умоляя судьбу дать мне знак, как поступить правильно.

— Хорошо, — послышался голос Лита. — Извини, пожалуйста, Виен. Это была глупая шутка. Теперь-то ты выйдешь?

— Нет, Лит, — ответила я. Меня поразило, что теперь я произнесла это без дрожи.

— У вас есть перо с собой? — полушепотом спросила я, пытаясь услышать хоть какую-то подсказку судьбы. Мне было страшно самой подписывать документы. Но при этом я понимала, что Лит сломает дверь. На кону была честь его

семьи.

— Да, да, вот магическая ручка, — произнёс поверенный.

Я схватила её и замерла.

Что я делаю? Что?

Кончик пера застыл над бумагой, а я не решалась поставить подпись. Мне хотелось, чтобы рядом был папа. Чтобы он сам прочитал документы, а потом мы поговорили возле камина и решили, как лучше.

Но здесь не было ни чая, ни камина, ни папы.

— Я ломаю дверь! — прорычал Лит. — Сама виновата!

Глава 11

От испуга я схватила перо и поставила кривую подпись. А потом бросила перо на бумагу, словно оно меня ужалило.

— Поздравляю! С этого момента вы — супруга генерала Ильгрейса. Вот копия вашего документа. Вы можете объявить об этом. Я вам помогу, — произнёс поверенный.

Он сжал мою руку, как когда-то делал папа, пока сила еще была в его руках. И этот жест тронул меня.

Я открыла дверь, сжимая в руках документ. Гости вместо того, чтобы вернуться в зал, столпились на улице. Несколько слуг перегородили дорогу карете. Двое стояли у закрытых ворот.

— Наконец-то! Одумалась! Проревелась? — Лит подошёл и наклонился ко мне. Я отчётливо уловила запах его дорогого одеколона, который раньше любила. — А теперь быстро приведите невесту в порядок.

Горничные стояли наготове. Одна из них уже держала в руках фату и шпильки.

— Твоё кольцо! — произнёс Лит холодным голосом. Он перехватил мою свободную руку и вложил в ладонь кольцо, которое я недавно швырнула ему в лицо. — Надевай обратно и быстро в зал!

Поверенный стоял рядом и пока молчал. Я смотрела на Лита, вдруг ясно поняла, что он до последнего не поверит

в мой отказ. Если я уступлю сегодня, он будет напоминать мне об этой уступке всякий раз, когда захочет добиться послушания.

— Ты прав в одном, — надтреснувшим голосом сказала я, отмахиваясь от горничной, которая собиралась вернуть мою фату на место. — Гости уже собрались, и день для свадьбы выбран превосходный.

На лице Лита появилось облегчение. Он даже улыбнулся, словно наконец удалось образумить капризного ребёнка, и протянул мне руку. Я всё ещё сжимала его помолвочное кольцо в руке.

— Вот и умница. Пойдём, дорогая. Через главный ход, заметь! Как ты и хотела!

Я не приняла его руки. Повернулась к посланнику генерала, который ждал моего решения, и произнесла достаточно громко, чтобы Лит услышал каждое слово:

— Передайте его превосходительству Тейнриху Ильгрейсу, что я только что подписала документы и стала его супругой.

Лит побледнел. Его протянутая рука медленно опустилась.

— Ты… о чём сейчас говоришь? — поморщился он, словно я сказала какую-то глупость.

— О свадьбе, которая только что состоялась, — ответила я, понимая, что уже несколько минут, как являюсь женой генерала. — Только женихом на этой свадьбе был не ты.

Глава 12

— Это невозможно! — заорал Лит так громко, что стоявшая рядом горничная вздрогнула и прижала к груди мою фату. — Что за чушь ты несёшь? Ты только что собиралась выйти замуж за меня! У нас была помолвка! Сегодня свадьба!

Он смотрел то на меня, то на бумаги в моих руках.

Ещё несколько мгновений назад на его лице была снисходительная улыбка человека, уверенного, что непослушную невесту удалось образумить.

Теперь от улыбки не осталось ничего. Скулы заострились, возле рта залегли две глубокие складки, а под воротником парадного камзола резко дёрнулась жилка.

Мне хотелось отвести глаза, как я делала всякий раз, когда он сердился. Я даже чуть опустила подбородок, прежде чем заставила себя посмотреть на него снова.

— Я не собиралась, Лит. Я собиралась уехать домой. Это ты не позволил мне покинуть твой двор.

— Замолчи! — резко произнёс он и шагнул ко мне. — Ты не могла выйти замуж! Ты всё это время сидела в карете! Я стоял рядом с ней! Вот здесь!

— Совершенно верно, ваша светлость, — раздался спокойный голос поверенного. — Именно там госпожа Райх заключила брак с моим доверителем, генералом Тейнрихом

Ильгрейсом. Через уполномоченного представителя. Все документы верны. Так что вы не имеете права разговаривать в таком тоне с госпожой Ильгрейс.

Поверенный вышел вперёд, заслонив меня лишь наполовину.

Он не пытался прятать меня за своей спиной, словно я была беспомощной девочкой. Просто встал рядом, расправил плечи и открыл кожаную папку.

Я заметила, какие у него аккуратные руки: на правом указательном пальце осталось чернильное пятнышко, а бумаги он придерживал так бережно, будто ветер мог вырвать их в любую секунду.

— У меня есть соответствующие полномочия, — продолжил он. — Брачный договор подписан и вступил в силу. При желании вы можете обратиться за подтверждением в канцелярию. Но, полагаю, сейчас разумнее поздравить госпожу Ильгрейс и позволить ей уехать.

Госпожу Ильгрейс.

От этих слов у меня перехватило дыхание.

Я ведь уже слышала их в карете, когда поверенный поздравлял меня, но тогда всё происходило так быстро, что сознание не поспевало за событиями.

А теперь новое имя прозвучало посреди двора, перед гостями, которых ещё утром пригласили на мою свадьбу с Литом. Словно кто-то взял мою прежнюю жизнь, скомкал её и бросил в камин, а мне протянул другую — незнакомую, пу-

гающую, но мою собственную.

— Не смейте называть её так! — рявкнул Лит. — Она — моя невеста! Так, дорогая. Пошутили и хватит. Сейчас горничные займутся тобой. Мы и так опаздываем.

От его крика фата в руках горничной дрогнула, и несколько шпилек со звоном упали на камни.

Девушка торопливо присела за ними, едва не зацепившись подолом за мои туфли. Я машинально отступила, пропуская её, и почувствовала, как сильно саднит запястье там, где недавно сжимались пальцы жениха.

— А как мне её называть, ваша светлость? — вежливо поинтересовался поверенный. — Госпожой Райх она уже не является. Вашей невестой — тем более. Брак уже заключён.

За нашими спинами кто-то судорожно втянул воздух.

Я повернула голову и увидела целую толпу у садовой дорожки.

Дамы придерживали шляпки, мужчины вытягивали шеи, стараясь рассмотреть документы.

Один из приятелей Лита всё ещё стоял возле каменной вазы, но теперь не смеялся.

Другой торопливо отвернулся, когда наши взгляды встретились. Пару минут назад они наперебой рассуждали, как я должна целовать герцогу ноги. Теперь они были в явном замешательстве.

Лит выпрямился и одёрнул камзол, пытаясь вернуть себе прежний вид. Лишь пальцы выдавали его: он то сжимал, то

разжимал кулаки, и под кожей на тыльной стороне ладоней проступали тёмные чешуйки.

Я отступила на шаг. Мне показалось, что ещё мгновение — и дракон вырвется наружу.

Глава 13

— Господа! — обратился он к гостям с натянутой улыбкой. — Прошу не придавать значения этой нелепице. Моя невеста расстроена, перенервничала и, очевидно, позволила какому-то проходимцу воспользоваться её состоянием.

— Я не твоя невеста, — громко и отчётливо сказала я. — Да, я была ей утром. Но сейчас я замужняя женщина.

Я сама удивилась, как ровно прозвучали эти слова. Лит сделал вид, что не услышал, и продолжил рассуждать о недоразумении, которое немедленно разрешится.

Я чувствовала, как под корсетом бешено стучит сердце. В висках пульсировало, губы пересохли, а тяжёлое платье, казалось, разом потянуло меня к земле.

— Лит, — произнесла я громко.

Он осёкся и посмотрел на меня так, как смотрят на слугу, посмевшего заговорить без разрешения.

— Я не твоя невеста, — повторила я. — И не собираюсь ею становиться. Ты можешь сколько угодно рассказывать гостям, что я перенервничала, но это ничего не изменит. Я только что вышла замуж за другого мужчину.

На последнем слове голос всё-таки дрогнул. Не от сомнения — от внезапного осознания того, насколько окончательно я оборвала прежнюю жизнь.

Мне больше не придётся ждать визитов Лита, прислуши-

ваться к стуку его экипажа, радоваться, когда он остаётся на ужин.

Никогда больше он не назовёт меня своей дорогой невестой так, чтобы я поверила. И от этой мысли на секунду стало больно до тошноты, хотя именно её я сейчас защищала перед целой толпой.

— За кого? — процедил он, словно всё ещё надеялся, что ослышался.

— За генерала Ильгрейса, — ответил поверенный прежде, чем я успела разомкнуть губы. — Брак заключён через поверенного. Прямо в карете, возле которой вы стояли. Госпожа Ильгрейс подписала все документы.

Шёпот прокатился по двору. Я различила имя генерала, произнесённое сразу несколькими голосами, а затем услышала, как какая-то дама возмущённо спросила мужа, почему ей ничего об этом не известно.

Лит уставился на поверенного. В его лице появилось нечто новое: он наконец понял, что перед ним не безымянный человек с папкой, которого можно прогнать одним приказом.

— Генерал Ильгрейс? — переспросил он. — Тот самый?

— Другого генерала Тейнриха Ильгрейса мне неизвестно, ваша светлость.

Кто-то негромко хмыкнул. Лит резко повернул голову на звук, и смешок оборвался. Однако молчание уже было другим.

Гости смотрели на него и ждали. Мне вдруг стало почти невыносимо приятно видеть, как Лит ищет глазами поддержку и не находит её там, где ещё недавно звучал хохот.

— Дайте сюда договор, — потребовал Лит и протянул руку.

Я инстинктивно прижала бумаги к груди. Края плотных листов впились в пальцы; рука задрожала так сильно, что пришлось придержать её другой.

Лит заметил это и усмехнулся, решив, должно быть, что я испугалась и сейчас отдам ему всё, что он потребует.

— Не нужно, — ответила я. — Ты не имеешь к нему отношения.

— Я должен убедиться, что это не шутка!

— О, я не склонен к шуткам, в отличие от вас, герцог. Об этом вы можете не беспокоиться, — произнёс поверенный. — Зато я настоятельно советовал бы вам не пытаться отобрать документы у супруги генерала.

Глава 14

— Да кто вы такой, чтобы мне угрожать?!

— Я ещё ни разу вам не угрожал, ваша светлость. Я лишь прошу не препятствовать отъезду госпожи Ильгрейс в её законные владения.

Лит перевёл взгляд на ворота. Там по его приказу всё ещё стояли двое слуг, а возница беспомощно поглядывал то на них, то на меня.

Герцог, кажется, впервые за всё утро вспомнил, что велел не выпускать меня со двора. Он открыл рот, явно собираясь повторить приказ, но поверенный заговорил раньше:

— Господа, уберите людей от ворот. Вы задерживаете экипаж замужней дамы, которая неоднократно просила позволить ей уехать. Полагаю, его превосходительству будет крайне неприятно узнать об обстоятельствах, в которых оказалась его супруга.

Имя генерала действовало на слуг удивительным образом. Один из лакеев оглянулся на Лита, другой отступил к воротам, не дожидаясь нового распоряжения.

И я вдруг поняла, что у человека, которого я никогда не видела вблизи, уже достаточно власти, чтобы заставить их сделать то, чего они не сделали ради меня.

Эта мысль не принесла безусловной радости. Я понятия не имела, каким окажется мой новый муж. Возможно, он то-

же привык отдавать приказы и терпеть не мог возражений. Но сейчас мне впервые не требовалось умолять Лита о праве уехать.

— И ты думаешь, что генерал согласится на такое ничтожество без приданого? Да он тебя ещё не видел ни разу! Его окружают самые красивые женщины королевства. Так что готовься! — прошипел герцог, наклонившись ко мне. — Ты не знаешь, с кем связалась, Виен. Он вышвырнет тебя из своего дома быстрее, чем ты успеешь снять это платье.

От близости его лица у меня свело живот. Ещё недавно я сама искала его взгляда, а теперь хотела лишь одного — чтобы он отошёл и перестал нависать надо мной.

Я сглотнула, заставляя себя не отступать.

— Возможно, — ответила я. — Я ведь действительно почти ничего о нём не знаю.

Лит торжествующе вскинул голову, но я ещё не закончила.

— Зато теперь я знаю достаточно о тебе.

У него дёрнулась щека. Мне показалось, он снова схватит меня за руку, и я невольно напряглась. Но на этот раз между нами стоял поверенный, а вокруг толпились свидетели, которые уже услышали имя моего мужа.

— Ты пожалеешь. Ты не знаешь этого солдафона. Ты сама взвоешь! — тихо сказал Лит. — Быстро отказывайся! Я понимаю, ты поступила так ради отца… Но ты сама потом будешь жалеть…

Глава 15

Я почувствовала, как по спине прошёл холод. Он сумел попасть туда, где всё ещё оставалась незажившая рана. Перед глазами сразу возник папа в своём кресле, укутанный пледом, и записка, которую я так и не достала из рукава. Мне захотелось схватиться за дверцу кареты, потому что колени вновь ослабели.

Я ведь и в самом деле не знала, смогу ли теперь оплатить его лечение. Обещания поверенного ещё предстояло превратить в деньги, лекарства и помощь. А больной отец ждал дома, уверенный, что сегодня его дочь станет герцогиней Эскет.

Несколько секунд я молчала, боясь, что стоит открыть рот — и вместо слов вырвется всхлип. Потом заставила себя выдохнуть.

— Ты сделала это назло мне… Понимаю… Заслужил… Но я… я могу всё исправить. Только позволь мне это сделать.

— Не надо ничего решать, — произнесла я. — И вам не кажется, герцог, что вы стоите непозволительно близко к замужней даме?

Он посмотрел на расстояние между нами и отошёл на полшага.

— Ты злишься. Я виноват. Я не должен был так себя ве-

сти… Это моя ошибка. Ты действительно мне понравилась, — произнёс Лит. — Иначе бы я не стал жениться. Виен, скажи, что-нибудь…

Он взял меня за руку, а я попыталась выдернуть её. Гости затаили дыхание, ожидая, что будет дальше.

— Прощай, Лит, — усмехнулась я, вырывая руку.

Он отшатнулся, будто я ударила его. И только тогда я разжала ладонь, в которой всё это время держала помолвочное кольцо. На коже остался глубокий след от оправы. Красивый камень сверкнул на солнце — тот самый, которым я ещё вчера любовалась, представляя, как буду носить его всю жизнь.

— А это забери. Ты пошутил. Я посмеялась. Можешь оставить кольцо на память!

Я положила кольцо на его раскрытую ладонь. Не бросила, не швырнула снова ему в лицо — просто вернула.

Лит опустил глаза на камень, потом посмотрел на мою пустую руку. Он почему-то не сомкнул пальцы, и кольцо лежало посреди его ладони, маленькое и ненужное.

Я уже сделала шаг к карете, когда Лит поднял голову от кольца. Он будто только сейчас заметил, что вокруг нас по-прежнему стоят гости, и торопливо заслонил мне дорогу.

— Виен, послушай меня! Всё произошло не так, как ты подумала. Мы готовили для тебя сюрприз! Ты должна была войти в дом незаметно, а потом появиться перед гостями в облаке магии. Представляешь, какое впечатление это произвело бы?

Он попытался улыбнуться. Улыбка вышла натянутой, а на лбу, куда я бросила кольцо, ещё виднелись тёмные чешуйки. Лит поспешно провёл по ним ладонью, оглянулся на гостей и заговорил громче:

— Я даже мага пригласил! Правда, господа?

Глава 16

Его приятели торопливо закивали. Тот, что ещё недавно предлагал мне завернуться в портьеру, первым выступил вперёд. От прежней развязности не осталось и следа: он то поправлял манжет, то одёргивал жилет, словно никак не мог найти, куда деть руки.

— Конечно! Всё так и было! Мы хотели тебя разыграть, Виен. Понимаешь, у нас перед свадьбами принято устраивать небольшие испытания. Ничего серьёзного! Жениху тоже достаётся, поверь!

— Испытания? — переспросила я.

Я смотрела на его растерянное лицо и никак не могла узнать того человека, который ещё недавно хохотал, представляя, как кредиторы снимут с меня свадебное платье.

— Ну да! — обрадовался он, решив, должно быть, что я готова выслушать объяснения. — Лит ведь не знал, любишь ты его самого или просто хочешь стать герцогиней. Ты же понимаешь, какое у него положение? Сколько девушек мечтают оказаться на твоём месте? Вот мы и решили проверить, готова ли ты выйти за него без всех этих почестей.

— Через дверь для прислуги?

— Именно! Какая разница, через какую дверь входить, если любишь человека? — поспешно подхватил второй. — Мы думали, ты рассмеёшься и согласишься. А потом Лит

провёл бы тебя через главный вход. Мы, конечно, немного перестарались…

У меня неприятно заныло под рёбрами. Неужели они действительно надеялись, что я сейчас улыбнусь и поблагодарю их за замечательную свадебную забаву? Я сжала пальцы, стараясь унять дрожь. На ладони ещё оставалась красная бороздка от оправы кольца.

— Значит, вы хотели проверить мою любовь? — медленно спросила я.

— Вот именно! — оживился Лит. — Наконец-то ты поняла! Виен, дорогая, это была всего лишь проверка. И знаешь что? Ты её прошла! Ты доказала, что у тебя есть гордость, что ты не готова унижаться даже ради герцогского титула. Мне следовало сразу догадаться, какая ты замечательная девушка!

Он протянул ко мне свободную руку, но я отступила.

— Подожди, Лит. Я хочу кое-что понять. Если бы я согласилась войти через дверь для прислуги, что бы вы решили?

Приятели переглянулись. Тот, что стоял ближе, облизнул пересохшие губы.

— Ну… что ты действительно хочешь выйти за него замуж, — неуверенно произнёс он.

— Даже после того, как он назвал меня нежеланной?

— Ты должна была понять, что он не всерьёз! — тут же поспешили заверить его друзья.

— А если бы отказалась, как сейчас? — поинтересовалась

я, глядя на роскошный дом и гостей, многие из которых даже не поняли еще, что случилось.

— Тогда… — Второй приятель замялся. — Тогда получается, что тебе слишком важны условности.

Я почувствовала, как губы сами собой растягиваются в улыбке. Совсем невесёлой.

— Как интересно. Если бы я согласилась, вы могли бы сказать, что я готова терпеть любые унижения ради титула. Если бы отказалась — что я недостаточно люблю жениха. Получается, что бы я ни сделала, вы всегда могли бы объявить меня виноватой?

Никто не ответил. Лит перестал вертеть кольцо в пальцах, а я, услышав за спиной приглушённый шёпот гостей, наконец решилась спросить о том, что мучило меня сильнее всего.

— А папа? Унижение моей семьи, папина болезнь и долги тоже были частью испытания? — спросила я, чувствуя, как мне хочется закрыть лицо руками и заплакать. Но я держалась. Хотя бы потому, что на меня сейчас смотрели все присутствующие.

Лит перестал улыбаться.

— Виен, не начинай…

— Нет, ответь мне. Какое отношение к моей любви имеет то, что вы обсуждали, как кредиторы снимут с меня последнее платье? Какое отношение к нашей свадьбе имеют лекарства моего отца? — громко продолжала я.

Глава 17

Перед глазами вновь возникло лицо папы, когда он просил горничную поднести лампу поближе, чтобы рассмотреть вышивку на моём платье. Я так хотела, чтобы он увидел меня счастливой невестой. И теперь мне приходилось стоять здесь и объяснять взрослым мужчинам, почему нельзя смеяться над его болезнью.

— Мы не хотели оскорбить твоего отца, — пробормотал один из приятелей. — Просто увлеклись.

— Увлеклись? — тут же ядовито спросила я, чувствуя, как рука сжимается в кулак, и мне хочется ударить Лита и его друзей.

— Виен, мы выпили немного шампанского перед церемонией! — вмешался второй. — Слово за слово, сами не заметили, как зашли слишком далеко. Это было глупо, признаю. Но мы же не знали, что ты всё так близко примешь к сердцу!

— А я знала, — ответила я. — Я знала, что мой отец болен. Знала, сколько он пережил, чтобы сохранить остатки нашего состояния. И знала, как он радовался моей свадьбе. Поэтому мне было больно слышать ваши шутки.

— Ну вот! — воскликнул Лит, хватаясь за мои слова. — Именно! Тебе было больно, и я это понимаю! Я должен был остановить их. Признаю! Но ведь теперь ты знаешь, что никто не хотел тебя обидеть. Я прошу прощения. Они тоже по-

просят. Господа!

Оба его приятеля поспешно опустили головы.

— Прости, Виен. Мы действительно перестарались.

Я смотрела на троих мужчин и вдруг вспомнила, как ещё утром просила этих людей оставить нас наедине. Тогда они смеялись. Лит даже не попытался их остановить. Теперь все трое стояли передо мной и ждали, что я приму их извинения, словно после этого можно будет вернуть фату мне на голову и повести к алтарю.

— Знаете, ваше испытание всё-таки оказалось полезным, — произнесла я, задумчиво глядя на эту компанию.

На лице Лита мелькнула надежда.

— Вот видишь!

— Благодаря ему я узнала, за какого человека собиралась выйти замуж. И какие друзья будут приходить в мой дом, садиться за мой стол и смеяться над моей семьёй.

Я повернулась к нему. Меня всё ещё трясло, запястье ныло, а внутри болезненно отзывалась каждая минута этого утра. Но я больше не ждала от него ни объяснений, ни доброго слова. Не нужно было даже заставлять себя говорить твёрдо.

— Поэтому можешь считать, что испытание прошло успешно, Лит. Только проверяли сегодня не меня.

Я оставила их стоять перед гостями, не дожидаясь, пока они придумают ещё одно оправдание.

Я повернулась к вознице.

— Помогите мне сесть, пожалуйста.

Тот поспешно подал руку. Пышная юбка зацепилась за ступеньку, и я едва не потеряла равновесие. Пришлось остановиться, собрать тяжёлую ткань и снова попытаться подняться. На этот раз получилось. Я опустилась на сиденье, чувствуя, как дрожат бёдра после напряжения, и только тогда позволила себе оглянуться.

Лит стоял посреди двора в свадебном камзоле. Вокруг него были гости, слуги, цветы, музыка, накрытые столы и дом, куда он не захотел впустить меня через парадную дверь. В руке он всё ещё держал кольцо. Подле него застыла горничная с моей фатой, не понимая, куда теперь девать белое кружево.

Поверенный остановился у открытой дверцы.

— Госпожа Ильгрейс, вы готовы ехать?

Я посмотрела на него и попыталась ответить, но губы дрогнули. Госпожа Ильгрейс. Не невеста, которую можно заставить войти через служебный проход. Не бедная родственница, обязанная благодарить за благодеяние.

Жена человека, которого мне ещё только предстояло узнать.

— Да, — наконец выговорила я. — Поедем домой.

Я не знала, какой дом теперь имею право называть своим. Но когда дверца захлопнулась и экипаж тронулся, впервые за весь этот бесконечный день почувствовала, что могу сделать полный вдох.

— Госпожа Ильгрейс, — поверенный наклонился ко мне. — Есть кое-что, что вы должны знать о ребёнке, ради которого вас взяли в жены.

Глава 18

— Ренгольд тяжело пережил смерть матери, — произнёс поверенный. — Он похож на неё, особенно глазами. Генерал с трудом переносит это сходство и потому редко бывает дома. Прошу вас, не вините мальчика, если он не сразу примет новую хозяйку.

Я представила мальчика, который ждёт отца в большом доме. А отец не приезжает, чтобы не видеть его глаз. У меня хотя бы был папа. Даже больной, он каждый вечер звал меня к своему креслу и спрашивал, как прошёл день.

Я вспомнила слова поверенного о верности Тейнриха покойной супруге. За одно утро этот незнакомец стал для меня почти образцом мужчины, способного любить даже после смерти любимой женщины. И тем мучительнее было представить, что его живой сын каждый день может ждать у окна. Верность памяти прекрасна, но разве она должна лишать ребёнка отца?

— А Ренгольд знает, что его отец женился? — спросила я, чувствуя, как мне не по себе.

Сейчас, когда скандал и несостоявшаяся свадьба остались за спиной в роскошном доме герцога, первое облегчение прошло. И словно темные тучи на небо наползала реальность.

— Пока нет, — произнес поверенный. — Сейчас домом

заправляет экономка. Милейшая женщина. Я редко бываю в поместье. В основном занимаюсь делами, но я вас уверяю, более приятной женщины вы не встретите никогда.

За окном проплывали витрины и экипажи, а я всё ещё видела Лита с кольцом в ладони. Потом вспомнила другого дракона — того, чью фамилию теперь носила.

Папа всегда мрачнел, когда в газетах писали о победах генерала Ильгрейса. Особенно если упоминали перевал, после открытия которого купцы перестали пользоваться морским путём. Отец долго смотрел на карту, потом откладывал её:

— Я понимаю… Это политика… Генерал не виноват, Виен. Он выполнял приказ. Его дело было выиграть войну, а не заботиться о наших верфях.

Но стоило принести новые счета, как вся его рассудительность исчезала.

— Из-за этого проклятого перевала у нас больше нет будущего! Корабли стоят без дела, рабочие разошлись. А я даже сам не могу подняться и заняться верфями! А их надо переоборудовать. Раньше у нас были деньги на переоборудование верфей, но сейчас денег нет. Я их чудом сберег. Правда, сейчас они простаивают, а у меня нет сил начинать все сначала, как в молодости.

Я предлагала продать хотя бы одну верфь и оплатить лечение, но папа отказывался. Это было дело всей его жизни, и он верил, что заказы вернутся. После помолвки отец достал старые чертежи: надеялся, что Лит с его связями и деньгами

возродит верфи.

Теперь моим мужем стал тот самый генерал. Я погладила запястье, на котором проступали следы пальцев Лита. Как я расскажу об этом папе?

— Мы едем к моему отцу? — спросила я с тревогой.

— Нет, в поместье Ильгрейсов. Я там вас оставлю, а сам направлюсь в Королевскую палату, чтобы поскорее внести документы в брачный реестр. Затем напишу генералу, что нашёл ему супругу. Ваш брак уже заключён, осталось уладить формальности.

— Значит, он ещё ничего обо мне не знает? — спросила я, и тут же почувствовала себя глупо. Конечно, генерал еще не в курсе, что сегодня женился! Когда бы ему успели сказать.

Мне не нравился такой брак. Я считала, что жених с невестой должны быть хотя бы знакомы. Но я не знала генерала. И даже никогда не была лично представлена ему.

Вдруг я почувствовала себя такой жалкой и никчемной. Даже модница выбирает кружево тщательнее, чем генерал жену.

Глава 19

Мне тут же захотелось закричать, что я не согласна и выйти из кареты прямо на улицу, но тут я вспомнила, что документы уже подписаны и я — официальная супруга генерала.

«Даже если ты сейчас остановишь карету и выйдешь на улицу, то куда ты пойдешь?» — убеждала я себя, сжимая кулаки. — «В гувернатки или компаньонки. Замуж тебя не возьмут. После такого скандала, никто не согласится опозорить свою семью браком с девицей Райх, которая сорвала собственную свадьбу!»

— Генерал доверил выбор мне, госпожа Ильгрейс. И я считаю, что сделал все правильно, — кивнул поверенный.

Я опустила глаза на свадебное платье. Шёлк смялся, подол потемнел от грязи, рукав был измят там, где меня удерживал Лит. Неужели я должна предстать в таком виде перед слугами нового дома, а потом перед ребёнком?

— Простите, но я не могу приехать в поместье в свадебном платье. А домой возвращаться не хочу. Папе нельзя волноваться.

— Заедем к модистке, — спокойно ответил поверенный.

Мы остановились у мастерской, где шили мой свадебный наряд.

Портниха ахнула, увидев меня без фаты, но при поверенном удержалась от вопросов. Нашлось темно синее унылое

добротное платье, которое подошло мне по размеру. Оно выглядело не так красиво, как подобает супруге генерала. Скорее, как платье горничной, которая берегла его для особого случая.

Но я была рада переодеться. Свадебную прическу я разобрала сама. Вместо нее я заколола волосы так, как закалывала дома. Сейчас я выглядела опрятно и уныло. Но выбора не было.

Пока помощница застёгивала пуговицы, я стояла перед зеркалом, стараясь не расплакаться. Утром мне примеряли здесь фату; теперь снятое свадебное платье лежало рядом, и я невольно смотрела на вышивку, которой так гордился папа.

Его аккуратно сложили в коробку. Я попросила бумагу и написала отцу, что свадьба с Литом не состоялась, но со мной всё хорошо и я обязательно всё объясню. Перечитала записку дважды, сглотнула и отдала нашему кучеру.

Он повезёт письмо домой, а мы с поверенным отправимся в поместье на другом экипаже. Покупку поверенный оплатил из средств, выделенных генералом.

Когда город остался позади, я осторожно расправила на коленях незнакомую синюю юбку. Корсет всё ещё давил под рёбрами, но дышать стало легче. Словно вместе с белым платьем я оставила в столице ту девушку, которая утром ехала венчаться с Литом.

— Скажите, Ренгольд часто спрашивает об отце? — спросила я, пытаясь привыкнуть к мысли, что я теперь мачеха

маленького мальчика.

Поверенный повернулся к окну.

— Каждый раз, когда я приезжаю, он спрашивает про папу, — заметил поверенный.

Я смотрела на его неподвижный профиль.

— О, мы приехали! — произнес поверенный. — Вот ваши новые владения. Я оставляю вас. И документы. Мне нужно съездить и зарегистрировать ваш брак.

Глава 20

Когда экипаж остановился, я не сразу решилась выйти.

Сквозь окошко виднелся дом, настолько большой, что мне пришлось нагнуться, чтобы рассмотреть его целиком.

Светлый камень стен, высокие окна, широкое крыльцо, по обеим сторонам которого застыли каменные драконы. Один расправил крылья, другой оскалил пасть.

Я неожиданно поймала себя на том, что жду: сейчас кто-нибудь из них повернёт голову и посмотрит на чужую женщину, которую привезли в хозяйский дом без приглашения самого хозяина.

Поверенный помог мне сойти на гравий, поправил воротник сюртука и протянул кожаную папку.

— Здесь ваш экземпляр договора и документы, подтверждающие полномочия. Если возникнут вопросы, покажите печать. Мне нужно успеть в Королевскую палату, пока канцелярия ещё принимает посетителей. А затем я напишу генералу.

— Вы не останетесь хотя бы на несколько минут? — вырвалось у меня.

Мне было неловко и страшно заходить в чужой дом без сопровождающего.

Через мгновенье мне вдруг стало стыдно за собственный голос. В нём прозвучала почти детская просьба. Я ведь сама

поставила подпись, сама объявила о браке перед гостями, а теперь готова была схватить поверенного за рукав, лишь бы не оставаться здесь одной.

— Вы законная супруга генерала, госпожа Ильгрейс. Здесь вам обязаны оказать надлежащий приём, — ответил он. — Я скоро вернусь с бумагами. Не тревожьтесь.

Он поклонился и уехал. Я смотрела, как колёса исчезают за воротами, и чувствовала, как холодеют пальцы, хотя день был тёплым.

Я ещё слышала удалявшийся стук колёс, когда заметила, как сильно сцепила пальцы. На ладонях остались полукруглые следы ногтей. Мне хотелось догнать поверенного, попросить отвезти меня к папе, спрятаться в знакомой гостиной. Но отец ждал счастливую невесту, а я стала женой человека, который даже не знал моего лица. Я расправила пальцы один за другим и заставила себя посмотреть на дом.

На крыльце ожидал лакей. Он взглянул на мою простую синюю юбку, старые туфли и волосы, заколотые самой обыкновенной шпилькой, заметно замешкался.

— Мне необходимо поговорить с …. с главным в доме, — произнесла я, пытаясь придать голосу уверенности.

— Сейчас доложу, — ответил он и провёл меня в холл.

Внутри пахло воском, свежими цветами и выпечкой. Полы блестели так, что в них отражались окна, а высоко над головой позванивали хрустальные подвески люстры.

Я машинально подобрала юбку, хотя дверь была достаточ-

но широкой. Здесь мне не пришлось ни пригибаться, ни протискиваться боком, и всё равно я не чувствовала себя желанной гостьей.

Со стороны лестницы донеслись быстрые шаги.

— Льюис, что происходит? У нас разве назначены собеседования? — спросила женщина, появившись в дверях гостиной.

Сначала я приняла её за родственницу генерала. Женщина была молодой, на вид немногим за тридцать, и поразительно красивой. Светло-каштановые волосы лежали гладкими волнами, зелёное платье из дорогой ткани подчёркивало тонкую талию, на груди поблёскивала жемчужная брошь. Никакого передника, никакой связки ключей. Она остановилась так уверенно, словно весь огромный дом принадлежал ей.

— Эта девушка пришла поговорить. Она ищет главного в доме, госпожа Вальд, — сообщил лакей.

Женщина окинула меня быстрым оценивающим взглядом. На моём лице она почти не задержалась, зато внимательно рассмотрела скромный воротник и носки туфель.

— К сожалению, милочка, горничных мы сейчас не принимаем, — сказала она, даже не поздоровавшись. — Мест нет. Если вы приехали с рекомендациями, то могли бы сначала написать.

Глава 21

— Я не…

— И с рекомендациями мы берём далеко не каждую. Здесь строгие требования, а прислугу я подбираю лично. В следующий раз обращайтесь через служебный вход. Парадная дверь предназначена для господ, — бросила женщина, тут же теряя ко мне интерес.

Мне сделалось так жарко, что под воротником защипало кожу. Снова дверь для прислуги. Я будто вернулась во двор Лита, где меня заставляли выбирать между унижением и браком. Только теперь передо мной стояла красивая молодая женщина, которая даже не сочла нужным спросить, как меня зовут.

— Льюис, проводите девушку, — распорядилась она, не дождавшись ответа. — И передайте, чтобы больше не направляли ко мне просительниц с улицы. У нас нет недостатка в слугах.

Угол папки больно впился мне в ладонь. Я сделала вдох, заставила себя поднять голову и произнесла:

— Я приехала не устраиваться горничной. Я приехала жить здесь.

Экономка приподняла брови.

— Вот как? И на каком основании, позвольте узнать?

— Я — жена генерала Тейнриха Ильгрейса. С сегодняш-

него дня — хозяйка этого дома.

Льюис замер, словно ослышался. Экономка смотрела на меня несколько мгновений, не моргая. Затем на её губах появилась снисходительная улыбка.

— Милочка, у его превосходительства нет супруги. Мне прекрасно известно, кто живёт в этом доме. Не заставляйте меня звать охрану.

— Тогда вам стоит посмотреть на документы, — настойчиво произнесла я.

«Милейшая женщина! Ага! Конечно!», — пронеслось у меня в голове.

Я достала брачный договор. Руки слушались плохо, бумага зашуршала громче, чем мне хотелось, но я всё-таки развернула лист и протянула ей.

Экономка взяла его двумя пальцами, словно боялась испачкаться, а потом увидела печать. Её улыбка исчезла. Она быстро прочитала первую строку, пробежала глазами вторую, задержалась на подписи. Жемчужная брошь дрогнула вместе с резким вдохом.

— Но… когда? — выговорила она, с изумлением глядя на меня.

— Сегодня. Брак заключён через поверенного. Он только что привёз меня сюда, а теперь отправился в Королевскую палату регистрировать брак. Так что с сегодняшнего дня я ваша хозяйка, — не без наслаждения произнесла я, глядя на экономку. — И да, я не забуду, как вы назвали меня горнич-

ной.

— Сегодня?

Она снова посмотрела на договор, словно там могла появиться другая дата.

— Генерал ничего не сообщал…

Теперь в ее голосе сквозила растерянность и неловкость.

— Это не отменяет заключённого брака, — усмехнулась я.

Она вернула мне документы с такой осторожностью, будто лист был из раскаленного металла. Я видела, как задрожала ее рука.

Провела ладонью по совершенно гладкой юбке, выпрямилась, и вдруг всё её лицо переменилось. Передо мной словно оказалась другая женщина — приветливая, предупредительная, готовая исполнить любое желание.

— Госпожа Ильгрейс! Ах, какая чудесная новость! Какая неожиданная радость для всего нашего дома! Простите, пожалуйста, эту досадную ошибку. Нас ведь не предупредили, а вы так скромно одеты… Разумеется, я бы никогда не позволила себе…

Она осеклась, но тут же улыбнулась ещё шире.

— Льюис! Отнесите вещи госпожи наверх. И передайте, чтобы немедленно приготовили лучшие комнаты. Госпожа Ильгрейс наверняка устала с дороги. Как же приятно наконец приветствовать хозяйку!

Лакей поспешно склонил голову. Я посмотрела на него и

заметила, что он старательно прячет улыбку. Мне и самой захотелось улыбнуться, но после сегодняшнего утра для этого осталось слишком мало сил.

— Благодарю вас. Можно узнать ваше имя?

— Госпожа Вальд, экономка поместья, — отозвалась она с лёгким поклоном. — Все хозяйственные заботы лежат на мне. Вам не придётся беспокоиться ни о чём. Я распоряжусь насчёт ванны, горячего ужина и горничной. А завтра непременно покажу вам комнаты и сад.

Глава 22

Она приблизилась и ласково коснулась моего локтя, будто мы давно знакомы. Я с трудом удержалась, чтобы не отдёрнуть руку.

После Лита меня раздражало даже доброе намерение, если оно сопровождалось желанием немедленно куда-нибудь меня направить.

— Спасибо. Но сначала я хотела бы познакомиться с Ренгольдом. Для меня это важнее отдыха. Где он сейчас?

Улыбка экономки задержалась на лице, а пальцы на мгновение сжали мой локоть чуть крепче. Затем она отпустила руку.

— Ах, с молодым господином! Конечно. Только мальчик не слишком любит незнакомых людей. После смерти матушки он стал очень чувствительным, и мы стараемся его не тревожить лишний раз, — подобострастно произнесла она.

— Я тоже не уверена, что умею знакомиться с детьми, — призналась я. — Но, по-моему, будет хуже, если он узнает о моём приезде от слуг. Это будет неправильно.

По правде говоря, я вообще не знала, что сказать ребёнку. «Здравствуй, Ренгольд, я вышла замуж за твоего папу, хотя он меня даже не видел»?

Мы с Литом ещё не обсуждали, когда обзаведёмся собственными детьми, да и сама я пока не собиралась стано-

виться матерью. А теперь у меня появился пасынок, который лишился матери и всё ещё ждал возвращения отца. Я боялась обидеть его первым же неосторожным словом.

— Ренгольд сейчас придёт, — ответила госпожа Вальд. — А пока прошу вас в столовую. Там как раз подали сладкое.

Она повела меня по коридору, без умолку рассказывая о том, какой здесь превосходный повар, как тщательно натирают серебро и какое счастье, что хозяйка наконец появилась.

Ещё несколько минут назад она не хотела пустить меня через парадную дверь, а теперь называла моё появление счастьем.

Я слушала её и пыталась понять, как мне вести себя с человеком, чьи манеры менялись быстрее, чем погода на море.

У столовой меня встретил запах ванили, горячей сдобы и ягодного варенья. За длинным столом, рассчитанным на два десятка человек, сидел мальчик. Перед ним стояли тарелочки с пирожными, ваза с засахаренными фруктами и целое блюдо маленьких корзиночек с кремом.

Белая скатерть была испачкана вареньем, серебряная ложка лежала в шоколадной лужице.

Мальчик был хорошеньким, пухлощёким, со светлыми кудрями и здоровым румянцем. На нём красовался бархатный жилет, у горла белели тонкие кружева.

Он держал в одной руке надкушенное пирожное, а другой пытался поймать вишню, ускользавшую с ложки.

Судя по его довольному виду, здесь его не обделяли ни

едой, ни вниманием. У меня немного отлегло от сердца: значит, маленькому наследнику хотя бы хорошо живётся.

Эта мысль принесла неожиданное облегчение. Я так боялась оказаться чужой для сына генерала, что заранее искала подтверждение: здесь с ним всё хорошо, от меня не потребуется ничего невозможного. Пожалуй, я даже была благодарна экономке за эту уютную картину. Мне очень хотелось ей поверить.

Я остановилась у стола и, стараясь не выдать волнения, улыбнулась.

— Здравствуй, Ренгольд.

Мальчик посмотрел на меня. Дожевал, облизнул губу, на которой остался крем, и ответил:

— А я не Ренгольд, — с набитым ртом ответил он.

— Прости, — растерялась я. — Тогда как тебя зовут?

— Сэм. А ты кто такая?

Я повернулась к экономке. Та уже поспешила к мальчику и заботливо стирала салфеткой крем с его подбородка.

— Это мой сын, госпожа Ильгрейс, — пояснила она с улыбкой. — Сэм. Я позволила ему немного полакомиться, пока молодой господин занят. Ренгольд сейчас придёт. Простите, он еще не знает, что вы хозяйка дома. Простите его за эту непочтительность. Он ребенок. Что с него взять?

Глава 23

— Мам, я сам! — возмутился Сэм, уворачиваясь от салфетки. — Ты мне всё размажешь!

— Сэмюэл, не забывай о манерах! — произнесла госпожа Вальд с нажимом. — Перед тобой супруга генерала.

Мальчик выпрямился, но продолжал с любопытством меня разглядывать. Я заметила, что он уже умудрился надкусить сразу несколько пирожных, а к одному лишь прикоснулся пальцем, чтобы снять крем. На столе перед ним громоздилась целая крепость из блюдец.

— Очень приятно познакомиться, Сэм, — сказала я, хотя знакомство пока не вызывало у меня приятных чувств. — Меня зовут Виен.

— А мне мама говорит, что взрослых нельзя называть по имени, — серьёзно сообщил он. — Вы теперь тоже у нас работать будете? Тогда уберите тарелку!

Госпожа Вальд на мгновение прикрыла глаза.

— Сэм! — одёрнула она сына и покраснела.

— Пусть она уберет тарелку! Мама! Прикажи ей! Она меня не слушается! — капризно произнес мальчишка и потянулся за засахаренной вишней. — Если ты не будешь меня слушать, то вылетишь отсюда! Моя мама тебя выгонит!

— Ты как разговариваешь с госпожой?! — прошипела экономка на ухо сыну. Но я прекрасно слышала ее голос.

— Моя мама здесь госпожа! — выдал Сэм, облизывая ложку. — Моя мама тут главная! Самая главная! И она тебя накажет!

— Прошу вас, не обращайте внимания, госпожа Виен… Он еще ребенок, — покраснела экономка. И тут же добавила: — Ох, какой ты сегодня разговорчивый! Доедай быстрее, и иди в комнату! Госпожа наверняка проголодалась с дороги! Ребенок, что тут поделаешь. Дети, они все такие… Они не понимают, кто госпожа, кто нет…

Экономка поспешно вложила ему в руку салфетку и обернулась ко мне с безукоризненной улыбкой.

— Дети так любят выдумывать! Не придавайте значения. Я немедленно распоряжусь позвать Ренгольда.

Я уселась на край стула и положила ладони на колени, чтобы скрыть дрожь. В доме было тепло, пахло пирожными, за окнами простирался ухоженный сад. Но я чувствовала себя совершенно чужой. Даже хозяйское имя, которое экономка теперь произносила на каждом шагу, не делало эти стены роднее.

Сэм придвинул ко мне блюдо.

— Хочешь пирожное? С вишней самое вкусное.

Его предложение было таким непосредственным, что я впервые за несколько часов улыбнулась по-настоящему.

— Ха! Это мое пирожное! И я никому его не отдам! — уверенно сообщил он, забирая корзиночку себе.

— Сэм, хватит сладкого, — машинально одёрнула его

мать, но тут же ласково поправила сыну воротничок. — Ренгольд у нас совсем другой, госпожа Ильгрейс. Очень тихий, послушный. Весь день у него занятия, а потом он читает. Я слежу, чтобы он не нарушал распорядок.

Я посмотрела на гору пирожных перед Сэмом и невольно задумалась, одинаковы ли здешние правила для обоих мальчиков.

— Сколько Ренгольду лет? — спросила я.

Госпожа Вальд уже открыла рот, но в коридоре послышались шаги. Она выпрямилась, мгновенно разгладила платье и посмотрела на дверь. Я тоже поднялась.

На пороге появился мальчик лет пяти. Он не ворвался в столовую, как это, вероятно, сделал бы Сэм, а остановился, держа руки за спиной.

Сначала посмотрел на экономку, словно ожидая разрешения войти. Потом увидел меня. Лицо у него было тонким, чуть бледным, а глаза — такими большими, светлыми и настороженными, что мне захотелось немедленно сказать ему что-нибудь хорошее. Только я всё ещё не знала что.

Я приготовилась улыбнуться, но губы почему-то не послушались. Этот мальчик совсем не походил на того, кто полчаса назад весело выбирал пирожные. Мне хотелось сделать к нему шаг, спросить, не замёрз ли он, не устал ли. И одновременно я боялась навязаться: он стоял так настороженно, словно незнакомые взрослые не приносили ему ничего хорошего.

— Ренгольд, подойди, — позвала госпожа Вальд с прежней сладкой улыбкой. — У нас гостья.

Мальчик медленно шагнул вперёд. Он заметил блюдо, из которого Сэм продолжал выбирать пирожные, но даже не попросил угощения. Перевёл взгляд на моё лицо и вдруг спросил совсем тихо:

— А папа приехал?

Глава 24

— Нет, Ренгольд, папа не приехал, — ответила госпожа Вальд прежде, чем я успела открыть рот. — Ты же знаешь, его превосходительство занят. Не стой в дверях, подойди и поздоровайся с гостьей. Это — твоя мачеха.

Слово «мачеха» прозвучало как пощёчина. Меня саму покорёжило от него. Но экономка была права: по документам я приходилась мальчику мачехой.

Я боялась не самого названия, а того, что теперь оно что-то значило для него. Разве можно требовать от ребёнка доверия только потому, что я подписала брачный договор?

Мальчик опустил голову, и я наконец смогла разглядеть его как следует.

Худенький, бледный, с огромными глазами и тонкой шеей, торчавшей из слишком широкого воротника. Камзольчик на нём был из хорошей тёмной шерсти, но старый.

На локтях виднелись аккуратные заплаты, причём одна из ткани другого оттенка; манжеты обтрепались, а пуговицу у горла заменили простой костяной. Брюки были коротковаты, на колене белела штопка.

Я перевела взгляд на Сэма. Тот сидел в новеньком бархатном жилете, с кружевным воротником, накрахмаленным до хруста, и выбирал вишни из пирожных.

У него был такой довольный, сытый вид, что я невольно

вспомнила, как папа радовался, когда нам удавалось купить к чаю хотя бы маленький кусочек сладкого.

— Подойди, Ренгольд, — повторила экономка ласковым голосом.

Он сделал несколько шагов. Взгляд его скользнул к столу, задержался на пирожных, и мальчик поспешно отвёл глаза. Руки он держал за спиной, будто ему запретили прикасаться к чему-либо без разрешения.

— Здравствуй, — тихо и тепло сказала я. — Меня зовут Виен. Ты можешь не кланяться. Я и сама пока плохо понимаю, как мне здесь следует себя вести. Я — жена твоего папы.

Он посмотрел на меня серьёзно, без улыбки.

— А вы с папой приехали?

Мне пришлось сглотнуть. Я только что стала женой его отца, которого даже не знала, и теперь не могла ответить ребёнку на самый простой вопрос так, чтобы не причинить ему боли.

— Нет, милый. Я приехала одна. Я приехала к тебе. Папа на войне. У него важные дела.

— Разумеется, важные! — подхватила госпожа Вальд. — Поэтому мы не беспокоим его по пустякам. Ренгольд, поздоровайся с госпожой как следует.

Мальчик поклонился. Я заметила, как он перед этим быстро взглянул на экономку, словно искал у неё подсказку. Я хотела сказать, что не нужно никаких церемоний, но он

уже выпрямился и вновь спрятал руки за спину.

— Можно я посижу с тобой? — спросила я.

— Госпожа Ильгрейс, это же ваш дом! — удивилась экономка. — Ренгольд, подвинь стул.

Он поспешно отступил, освобождая мне место. Я села не во главе стола, а рядом с ним. Сэм в этот момент громко облизнул палец и потянулся за новой корзиночкой. Его мать ничего не сказала.

— Вы будете здесь жить? — тихо спросил Ренгольд.

— Да. Надеюсь, ты не против, — неловко произнесла я.

Он приоткрыл рот, но госпожа Вальд опередила его:

— Госпожа Ильгрейс теперь хозяйка дома, дорогой. Ты должен слушаться её так же, как меня.

— Да, госпожа Вальд, — немедленно отозвался он и опустил глаза.

Мне стало неприятно. Не от его слов, а от того, как поспешно мальчик их произнёс. Словно боялся, что даже секундное промедление будет замечено.

Сэм отодвинул блюдце и требовательно заявил:

— А шоколадные где? Не хочу больше эти!

— Ты уже съел достаточно, мой хороший, — мягко произнесла экономка.

— Но шоколадные я ещё не ел!

— Льюис! — позвала она лакея. — Посмотрите, осталось ли что-нибудь шоколадное на кухне.

Я посмотрела на Ренгольда. Он следил за рукой лакея,

убиравшего тарелку с недоеденной корзиночкой, с таким вниманием, будто на ней оставалось последнее пирожное на свете.

Но отчего сын хозяина смотрел на чужой недоеденный пирожок так, словно не смел попросить даже его?

Глава 25

— Ты не хочешь сесть с нами? — спросила я.

— Ах, он уже поел, — с готовностью подтвердила госпожа Вальд. — Ренгольд всегда обедает вовремя. У мальчика строгий распорядок. Сейчас вот Сэм доедает за ним сладости. Ренгольду не захотелось, а выбрасывать жалко. Они ведь большие друзья, госпожа Ильгрейс! Играют вместе с утра до вечера, совсем как братья.

Сэм оторвался от крема и довольно улыбнулся.

— Ага! Он мне всё отдаёт!

— Вот видите? — улыбнулась экономка и ласково погладила сына по кудрям.

Ренгольд промолчал. Только его пальцы за спиной шевельнулись, а взгляд вновь метнулся к блюду. Я заметила, как он сглотнул, когда Сэм надкусил корзиночку и оставил её на краю тарелки, чтобы достать другую.

Я почувствовала себя неловко от собственного любопытства. Я ещё не знала, что он любит, как проводит дни и чем обычно обедает, а уже пыталась понять его по одному взгляду. Но этот взгляд на чужое пирожное почему-то не отпускал. Так не смотрят на еду, от которой только что добровольно отказались.

— Значит, вы вместе играете? — спросила я у Ренгольда.

Он кивнул, не глядя на меня.

— И в какие игры?

— В разные, — ответила вместо него экономка. — Мальчики такие выдумщики! Бывало, как начнут бегать — даже не знаешь, куда деваться! Шумные — ужас!

Я решила не настаивать. После смерти матери ребёнок мог быть застенчивым, а я оставалась совершенно чужой женщиной. Но почему он при каждом вопросе смотрел не на меня, а на госпожу Вальд?

— Присядь, пожалуйста, рядом, — попросила я. — Мне будет спокойнее, если ты побудешь со мной. Я не кусаюсь.

Ренгольд осторожно опустился на самый краешек стула. Ноги его не доставали до пола, спина была неестественно прямой, а руки он аккуратно сложил на коленях. Он даже не коснулся скатерти. Сэм же развалился на своём стуле, откинулся на спинку и попросил принести ещё молока.

Горничная внесла чайный поднос. Пока она расставляла чашки, экономка повернулась к ней и начала объяснять, какой именно сорт следует подавать хозяйке.

Сэм сполз со стула и подбежал к окну, чтобы посмотреть на птицу в саду. Я потянулась за сахарницей, но вдруг заметила краем глаза какое-то движение.

Ренгольд быстро вытянул руку. Пальцы схватили оставленную Сэмом корзиночку и спрятали её под столом. Мальчик наклонился так низко, что волосы упали ему на лоб, и запихнул пирожное в рот почти целиком. Он жевал торопливо, не успевая проглатывать, а крошки падали на старый ворот-

ник. При этом его глаза непрерывно следили за экономкой.

Я застыла с ложечкой в руке.

Мальчик ел так, будто у него оставалось несколько мгновений, прежде чем еду отнимут. Он попытался проглотить слишком большой кусок, закашлялся, побагровел и зажал рот ладонью, чтобы никто не услышал.

Я так сильно стиснула ручку чашки, что тонкий фарфор врезался в палец. Хотелось немедленно спросить, кто заставил его есть украдкой. Но он и без того испугался. Я заставила себя разжать руку: если сейчас начну кричать, мальчик решит, что виноват опять он.

— Осторожно, милый. Не спеши, — прошептала я, подвигая к нему чашку.

Он испуганно отпрянул.

— Простите. Я нечаянно, — пробормотал он, испугавшись так, словно я поймала его на преступлении.

— Ты подавился. Выпей немного.

Ренгольд посмотрел на чашку, потом на меня. В его глазах стоял такой страх, что я убрала руку, боясь напугать его ещё сильнее. Он сам потянулся к воде, сделал крошечный глоток и торопливо вытер губы рукавом.

— Я больше не буду, — прошептал он.

Глава 26

Я почувствовала, как пальцы сами сжимаются вокруг ложечки.

— Не будешь что?

Он замолчал, словно ответа не существовало.

— Ренгольд? — Экономка обернулась на наши голоса. — Что там у вас? Ты должен вести себя прилично! Помни об этом!

Мальчик мгновенно спрятал руки под стол. На губе у него осталась крошка, но он даже не решился её смахнуть.

— Мы знакомимся, — ответила я прежде, чем госпожа Вальд успела что-либо заметить.

Она подошла ближе, окинула стол быстрым взглядом и увидела пустое место на блюде.

— Ах, опять! — воскликнула она. — Госпожа Ильгрейс, прошу вас, не балуйте его. У мальчика особенности аппетита. Стоит дать лишнего, потом весь вечер жалуется на живот.

— Особенности аппетита? — переспросила я, всё больше подозревая неладное. — Мне кажется, что ребёнок просто голоден!

— Ах, это вам просто кажется. Он ни капельки не голоден! После смерти матери он стал очень впечатлительным. Иногда может уверять, будто голоден, хотя час назад съел полный обед. Особенно если видит сладости. Врачи совето-

вали соблюдать режим, — щебетала экономка.

На миг я испугалась собственной уверенности. Вдруг у мальчика и правда больной желудок, а я вмешиваюсь в распорядок, которого не знаю? Но я видела, как он торопливо глотал пирожное и прятал крошки. Нельзя было ни поверить экономке на слово, ни обвинять её без разбора. Сначала я должна была выяснить, что ребёнок сегодня ел.

Я взглянула на Сэма. Тот вернулся к столу, выбрал из тарелки несколько вишен и отодвинул остатки пирожного. О его желудке здесь, похоже, беспокоились не столь усердно.

— А что Ренгольд сегодня ел на обед? — спросила я.

— Как обычно, всё, что положено. Суп, горячее. У нас замечательная кухня, — ответила вместо Ренгольда экономка. Я с раздражением посмотрела на неё: она опять не давала мальчику ответить самому.

— А что именно было на горячее? — тихо спросила я у Ренгольда, повернувшись к нему. Госпожа Вальд заметила, что я обратилась к мальчику, и её лицо тут же напряглось.

— Не помню, — произнёс Ренгольд и покраснел.

— Что сегодня ел ребёнок? — спросила я у экономки.

— Сегодня… Эм… А! Сегодня… Одну минутку…

Госпожа Вальд замялась, но почти сразу нашлась с ответом.

— Я, признаться, не запоминаю каждое блюдо. Столько хлопот с хозяйством! Если хотите, велю кухарке принести меню.

— Хочу. И попросите, пожалуйста, подать Ренгольду что-нибудь горячее. Он ведь сейчас с нами.

— Но я же объяснила! — Экономка повысила голос, затем поспешно улыбнулась. — Простите, госпожа Ильгрейс. Вы ещё не знаете привычек мальчика. Он может есть без меры, а потом ему становится дурно. Не стоит нарушать распорядок в первый же день. И вообще, мальчику пора отдыхать. Они сегодня наигрались, так что ему лучше отдохнуть. Я могу проводить его.

Ренгольд сидел неподвижно. Лишь его худые пальцы переплелись так крепко, что костяшки побелели.

— Ренгольд, — обратилась я к нему, — ты хочешь поесть?

Он снова посмотрел на экономку.

— Я уже ел, — тихо прошептал он.

— Но сейчас ты голоден? — допытывалась я.

Мальчик не отвечал. Я видела, как он старается сохранить серьёзное лицо, и вдруг услышала тихое урчание у него в животе. Сэм прыснул со смеху.

— Слышали? У него опять! Тыдыды, тыдыды, а Ренгольд сегодня без еды! — пропел он, смеясь.

— Сэм! — строго произнесла экономка. — Ты уже поел. Иди в комнату! Не мешай!

— Тыдыды, тыдыды, Ренгольд плачет без еды! — потешался Сэм.

— Прекрати! — резко произнесла я, удивившись собственному голосу.

Сэм удивлённо взглянул на меня, будто впервые в жизни кто-то сделал ему замечание, и обиженно надул губы.

Ренгольд втянул голову в плечи.

— Ты не ел сегодня? — спросила я, взглянув на часы. Было уже далеко за полдень.

— Простите, — прошептал он. — Я могу потерпеть.

Глава 27

У меня перед глазами словно на миг потемнело. Не потому, что я никогда не видела голодных детей. Видела, когда дела на наших верфях пошли плохо и рабочие приходили к папе просить работу хотя бы за еду. Но там люди действительно нуждались. А здесь под потолком горела дорогая люстра, серебро блестело на столе, и сын хозяина извинялся за то, что хочет есть.

— Хватит сочинять! — резко произнесла госпожа Вальд. — Он такой сочинитель… Вечно всё придумывает. Любит, чтобы его пожалели! Не обращайте внимания, госпожа!

— Госпожа Вальд, — произнесла я, стараясь не повысить голос, — разве вы не слышали, что я сама предложила ему поесть? Не нужно его отчитывать.

— Конечно, госпожа Ильгрейс! Я лишь хотела предупредить вас. Он вас обманывает!

Она улыбалась, но глаз от меня не отводила.

Я придвинула к Ренгольду чистую тарелку и положила на неё пирожное, не заставляя мальчика брать его из моих рук.

— Вот. Ты можешь съесть это. И ещё что-нибудь, если захочешь.

Он смотрел на пирожное так, будто я предложила ему драгоценность. Но даже теперь не решался прикоснуться.

— Можно? — спросил он наконец.

Я отвернулась к чайнику, чтобы он не заметил, как у меня защипало глаза. Ренгольд не просил добавки. Он просил разрешения съесть пирожное, которое я сама положила перед ним. И вдруг я поняла: накормить его один раз мало. Завтра он может снова сидеть за этим столом и бояться протянуть руку к еде.

— Конечно, можно. Это твой дом. Ты можешь есть всё, что хочешь, — подтвердила я.

Ренгольд осторожно взял пирожное. На этот раз он откусывал маленькими кусочками, но ел всё так же быстро и не сводил глаз с экономки. Я смотрела на его заштопанный камзол, на бледные запястья и на Сэма, который выбирал из целого блюда лишь самые вкусные кусочки, и чувствовала, как во мне поднимается злость.

Госпожа Вальд расправила плечи.

— Я уже говорила, что мальчики очень дружны. Сэм всегда доедает за Ренгольдом, если тот отказывается от сладкого. Дети меняются игрушками, делятся всем. У нас здесь прекрасная атмосфера.

— Да, вы говорили, — ответила я. — Что Ренгольд сыт. Что он сам отказался от угощения. И что у него какие-то «особенности аппетита». А сейчас рядом сидит ребёнок, который ничего не ел и у которого, простите, урчит в животе! Вы что, мне врёте?

Я посмотрела на экономку, которая тут же забегала глазами.

— Я не это имела в виду…

— Тогда объясните мне, госпожа Вальд, почему ваш сын выбирает из блюд только то, что ему нравится, а сын генерала тайком глотает оставленное пирожное, будто боится, что ему больше ничего не достанется? — произнесла я, чувствуя, как меня трясёт от злости. — И ещё. Потрудитесь объяснить, почему ваш сын одет во всё новое, а сын генерала носит какие-то заштопанные обноски!

Экономка побледнела. Ренгольд перестал жевать, и я сразу пожалела, что задала вопрос при нём. Я накрыла его маленькую ладонь своей, не удерживая, а просто давая понять, что ему не нужно бояться.

Я ощутила неприятный жар на лице. Мне было так важно добиться от экономки правды, что я заставила Ренгольда слушать спор о его собственном голоде. Он и без того ждал наказания за каждый лишний кусок. Я медленно убрала ладонь с его руки и подвинула тарелку ближе. Пусть хотя бы сейчас спокойно доест. А с этой женщиной я разберусь, не заставляя мальчика оправдываться за то, что он хочет есть.

— Объясните, — повторила я уже тише. — Я внимательно слушаю.

Глава 28

— Ах, госпожа Ильгрейс, ну что вы такое говорите! Разве вы думаете, что я обделю ребенка? Да как вы вообще могли такое подумать!

Экономка всплеснула руками, словно я обвинила её в чём-то совершенно немыслимом. И тут же вздохнула.

— Это же мальчики! Вы бы видели, в каком виде они возвращаются после игр! На них одежда прямо горит! Сегодня целый рукав оторван, завтра штаны разорваны. Сколько ни покупай, всё мало! На них одежды не напасёшься!

Она даже рассмеялась, ожидая, что я тоже оценю эту забавную особенность мальчишек. Но я не оценила.

Я посмотрела на Ренгольда. Он сидел возле меня, едва касаясь спиной стула. Пирожное осталось у него в руке, и мальчик больше не решался откусить ни кусочка. Под локтем камзольчика темнела заплата, подшитая нитками чуть светлее основной ткани. На коленях брюки были протёрты до блеска. Я не слишком хорошо разбиралась в детской одежде, но эту явно носили не первый год.

Потом перевела взгляд на Сэма. Его бархатный жилет был новым, кружева — пышными и белоснежными, пряжки на туфельках сияли. Да и сидел он так, что складки дорогой ткани расправлялись на круглом животике.

— Странно, — заметила я. — Для вашего сына новая

одежда почему-то нашлась. А для ребёнка хозяина — нет.

Госпожа Вальд перестала улыбаться.

— Так ведь… Сэм сегодня собирался в гости. Да, именно! К тётушке! Вот я его и нарядила. А обычно он ходит совершенно так же. И заплатки бывают, и пуговицы теряются. Что поделать, дети!

— И часто ваш сын ездит к тётушке?

— Когда удаётся, госпожа. Она так по нему скучает!

— Значит, ему повезло, что сегодня как раз тот день, когда он одет с иголочки. Лучше хозяйского сына, — произнесла я, усмехнувшись.

Экономка кивнула с таким облегчением, словно я наконец согласилась с её доводами. Только от этого мне ещё сильнее захотелось узнать, что же происходит в доме.

У папы иной раз не хватало денег на лекарства, но он бы скорее отказался от нового сюртука, чем позволил мне ходить в латаном платье, пока кто-то другой щеголяет в бархате за наш счёт. Я поймала себя на том, что уже не ищу случайного объяснения этой разнице. Я ищу причину, по которой взрослый человек считает её допустимой.

— Неужели генерал настолько беден, что не может позволить сыну порвать пару штанов во время игры? — спросила я, рассматривая костюм Ренгольда.

— Ах, что вы! Его превосходительство сказочно богат! — тут же поспешила с ответом экономка. Госпожа Вальд даже прижала ладонь к груди. — Разве можно сомневаться в со-

стоянии генерала Ильгрейса?

— Тогда почему Ренгольд ходит в заштопанных вещах? — произнесла я, чувствуя, как мой голос становится все тверже. — Словно его отец — последний нищий?

— Я приучаю мальчика беречь одежду. Разве это плохо? Вы сами, наверное, знаете, как вредно детям потакать. Сегодня ему новый камзол, завтра он потребует ещё один. А потом вырастет настоящим расточителем! Я ведь забочусь о его воспитании.

Я склонилась к Ренгольду.

— Ты любишь играть на улице? — спросила я, понимая, что сейчас в разговор снова вмешается экономка.

Он бросил быстрый взгляд на госпожу Вальд и едва заметно кивнул.

— А во что? — продолжила спрашивать я.

— В… разные игры, — глухо произнес Ренгольд.

— Какие? — настаивала я, видя, что вопрос застал мальчика врасплох. Неужели он вообще не играет на улице? Или просто боится мне рассказывать? Ребёнок голодает, носит старую одежду и, похоже, боится даже говорить об играх. Это я находила возмутительным.

— В разные, — произнес он.

Я вспомнила, что точно так же он ответил на вопрос о дружбе с Сэмом. Сам Сэм тем временем дотянулся до тарелки и взял ещё одно пирожное, хотя совсем недавно жаловался, что больше их не хочет.

— Вы меня не убедили, госпожа Вальд, — произнесла я.

Глава 29

Экономка приоткрыла рот. На её лице появилось выражение женщины, которая никак не могла решить, обидеться ей или ещё раз извиниться.

— Ох, да что же мы всё о пустяках! — наконец воскликнула она. — Вы ведь только с дороги, даже не успели отдохнуть. Позвольте проводить вас в ваши покои. Там уже наверняка готовят ванну. А ещё я покажу вам гостиную с видом на сад. Она необыкновенно хороша по вечерам!

Она придвинулась к Ренгольду, положила ладонь ему на голову и ласково погладила волосы.

— А ты, милый, ступай заниматься. Молодому господину не пристало целый день сидеть за столом.

Я увидела, как мальчик вздрогнул.

Не от неожиданности. Он заметил её руку заранее: плечи приподнялись ещё до того, как пальцы коснулись волос. Ренгольд застыл, сжав губы, а когда экономка убрала ладонь, быстро опустил голову.

Я и сама чуть не протянула руку, чтобы пригладить ему волосы, и вовремя остановилась. Откуда ему знать, что моё прикосновение будет другим? Я сцепила пальцы, злясь на собственную поспешность. Хотелось немедленно исправить всё, что с ним делали, но нельзя было начинать с того, чего он боялся.

Мне стало трудно смотреть на него и делать вид, будто ничего не случилось.

— Ха! Молодой господин! — раздался смех Сэма. — Бестолочь он, а не господин! Какой из него господин! Ты сама говорила, что…

— Сэм! — дернулась экономка, глядя то на сына, то на меня.

Ренгольд повернул к нему голову. Сэм смеялся так сильно, что у него началась икота. Он схватился за живот, едва не уронив пирожное, и повторил:

— Господин! Хи-и-к! Ренгольд — господин!

— Сэм! — резко окликнула экономка. — Немедленно отправляйся в комнату! Быстро! Ты уже поел! Хватит! Я потом принесу тебе еще!

— Но я ещё не доел! — протянул Сэм и скуксился, словно вот-вот заплачет.

— Ты слышал меня? Марш! — резко приказала экономка.

Сэм с явной неохотой сполз со стула. Подхватил с собой корзиночку, облизнул пальцы и, проходя мимо Ренгольда, нарочно задел его плечом.

Мальчик не возразил. Даже не поднял головы.

Сэм ушёл, громко стуча каблуками по паркету. Экономка проводила сына взглядом и вновь повернулась ко мне с той самой улыбкой, от которой у меня уже начинало тошнить.

— Простите эту шалость. Дети иногда не понимают, что говорят. Итак, госпожа Ильгрейс, если вы позволите, я по-

кажу ваши комнаты…

Я поднялась.

— Покажете. Но немного позже. Сначала я хочу увидеть, где живёт Ренгольд, — объявила я, глядя на мальчика. — Ты не покажешь мне свою комнату?

— А давайте я покажу? — переспросила экономка. — Просто там сейчас… кажется, убирают. У мальчиков после игр такой беспорядок!

— Тем лучше. Заодно посмотрю, насколько они любят играть, — согласилась я.

Я протянула Ренгольду руку, но, заметив, что он настороженно смотрит на мои пальцы, не стала к нему прикасаться.

— Покажешь мне свою комнату? — прошептала я, видя, что он не берет меня за руку. Я тут же опустила ее, чувствуя неловкость момента.

Сын генерала сначала посмотрел на экономку. Потом на меня.

— Покажу, — едва слышно ответил мальчик.

Глава 30

— Вот и прекрасно. Веди нас.

Ренгольд послушно слез со стула. Он был так мал, что ему пришлось придержаться за край сиденья, чтобы спуститься. Затем поправил старый камзольчик, словно боялся предстать передо мной неопрятным, и направился к двери.

Экономка немедленно пристроилась рядом.

— Но вы даже не представляете, сколько в этом доме чудесных помещений, госпожа Ильгрейс! У нас есть библиотека — огромная, с галереей под самым потолком. Его превосходительство привозит книги из разных частей королевства. А зимний сад! Ах, какой там зимний сад! Редчайшие цветы, фонтан, изящные скамейки… Покойная госпожа так любила там бывать. Я непременно всё вам покажу!

Я слушала её вполуха.

Ренгольд шёл впереди, стараясь ступать бесшумно. Время от времени он оглядывался, проверяя, следую ли я за ним. Коридоры были широкие, светлые, стены украшали картины, а на небольших столиках стояли вазы с живыми цветами. Даже ковры под ногами выглядели такими дорогими, что я боялась наступить на них испачканными туфлями.

И всё никак не могла понять, почему на сыне человека, которому принадлежало всё это великолепие, оказался камзол с чужой пуговицей.

Мы миновали лестницу, свернули в длинную галерею. Экономка не умолкала, перечисляя достоинства восточного крыла и особую систему отопления, которую генерал велел установить после очередной войны. Он подсмотрел ее в одном доме, в котором квартировался штаб.

Я уже собиралась спросить, далеко ли до детской, когда заметила приоткрытую дверь.

В узкой щели мелькнуло что-то красное и блестящее. Сначала я приняла это за обивку мебели, но затем разглядела деревянную лошадиную голову с расписными глазами и настоящей гривой из тёмного конского волоса.

— А что здесь? — спросила я, останавливаясь.

Экономка тоже остановилась.

— Здесь? О, это… одна из комнат. Мы как раз собирались…

Я уже подошла к двери.

— Детская? — поинтересовалась я.

— Ну, в некотором роде…— замялась экономка.

Я толкнула дверь и застыла на пороге.

Комната была огромной. Солнце струилось через высокие окна, ложилось на пёстрый ковёр и золотило игрушки, которых здесь, кажется, хватило бы на целую школу.

Вдоль одной стены выстроились полки с деревянными солдатиками и маленькими пушками. На другой стояли игрушечные корабли с настоящими парусами. Возле окна расположился целый город: кукольные дома, мосты, мельница

с вращающимися крыльями, железная дорога с блестящими рельсами.

У дальней стены стояла кровать под голубым пологом, возле неё — мягкое кресло и резной шкаф. На постели лежал огромный медведь с шёлковым бантом. Даже ночник на прикроватной тумбе был сделан в виде маленького дракона, свернувшегося кольцом.

Посреди этого великолепия на большой деревянной лошадке качался Сэм.

Глава 31

Я задержалась на пороге, чувствуя, как внутри вновь поднимается знакомая горечь. Утром мне объясняли, что парадная дверь не для меня. Теперь я смотрела на детскую, в которой сын хозяина, похоже, тоже был лишним. Но на этот раз унижали не меня. И это почему-то задевало сильнее.

Лошадка была чудесная: красное седло, отполированные полозья, медные стремена. Сэм раскачивался так усердно, что копыта деревянного коня едва не стукались о пол, и самозабвенно кричал:

— Но-о! Быстрее! В атаку!

Увидев меня, он дёрнул поводья и нахмурился.

— А вы чего сюда пришли?

Я не сразу нашлась с ответом.

На мгновение мне даже показалось, что мы ошиблись дверью. Если здесь жил Ренгольд, то почему в комнате находился Сэм? Но кровать была застелена, на спинке кресла висел детский жакет, а возле шкафа стояли нарядные туфельки, очень похожие на те, что я видела на мальчике в столовой.

— Это что такое? — спросила я, оглядываясь.

Госпожа Вальд оказалась у моего плеча почти мгновенно.

— Ах, не обращайте внимания! Мой сын немного разыгрался. Я ведь говорила, что мальчики очень дружны. Все игрушки у них общие. Так замечательно, когда дети растут

вместе! — тут же заулыбалась она.

— Это комната Ренгольда? — напрямую спросила я.

— Дети пользуются всеми комнатами, госпожа Ильгрейс. Разве нужно делить их на твои и мои? Я всегда учила мальчиков делиться. Знаете, это очень полезное качество, — тараторила экономка.

— Но я спрашиваю не об игрушках. Здесь кто спит? — мрачно произнесла я, глядя на все это великолепие.

Экономка поправила брошь на груди.

— Ну… мальчики иногда остаются друг у друга. Бывает, заиграются допоздна, и я не вижу причин запрещать им…

— Это твоя комната, Ренгольд? — перебила я, повернувшись к мальчику.

Он стоял у двери. Его пальцы сжимали край камзольчика. Сэм в это время снова начал раскачиваться, скрипя полозьями.

— Нет, — неожиданно твёрдо ответил Ренгольд. — Моя комната дальше.

Экономка резко повернула к нему голову.

— Милый, ты что-то путаешь… — ласково произнесла она, глядя на Ренгольда. — Это… это… твоя комната…

— Нет, — твердо повторил мальчик. — Я знаю, где моя комната. Вы сами сказали мне, где моя комната.

Мне захотелось похвалить его за эти слова, но я удержалась. Он не хвастался и не спорил ради спора. Просто говорил правду, которую взрослая женщина упорно запрещала

ему произносить. Я подумала, каких усилий стоило ему это маленькое «нет».

Ренгольд повернулся и пошёл по коридору.

Я последовала за ним. Экономка торопливо нагнала нас, заговорила о том, что детям свойственно фантазировать и преувеличивать, а Ренгольд после смерти матери стал особенно чувствительным. Я больше не слушала.

Я уже видела, что творилось в этом доме. И меня трясло от такой несправедливости.

Мы свернули за угол. Здесь ковёр закончился. Половицы под ногами перестали пружинить, а свет из окон почти не доходил до стен. Ренгольд подошёл к неприметной двери, возле которой не стояло ни цветов, ни статуэток, ни даже небольшого столика, какие я видела на каждом шагу.

Он взялся за ручку.

— Вот моя комната, — произнес он.

Я вошла следом и остановилась.

Глава 32

Комната была чистой, но до такой степени унылой, что мне стало не по себе. Узкая кровать у стены, простой деревянный стол, стул с прямой спинкой. В углу — небольшой шкаф. На подоконнике не было ни горшка с цветком, ни игрушки, ни забытой книжки. Серые стены оставались совершенно голыми. Вместо толстого ковра на полу лежал потёртый половичок, который едва прикрывал доски.

Я подошла к кровати. Покрывало было выцветшим, хотя тщательно расправленным. Подушка казалась плоской, одеяло — слишком тонким для прохладных ночей. Здесь не пахло воском и цветами, как в остальных комнатах. Только нестиранным бельём и холодным деревом.

Я опёрлась ладонью о спинку стула. Дерево оказалось холодным, и от этого почему-то стало ещё страшнее. До сих пор мне казалось, что я вижу отдельные жестокости: старый камзол, недоданный обед, украдкой съеденное пирожное. А теперь передо мной была целая жизнь, день за днём проходившая в этой голой комнате. И никто не счёл нужным её изменить.

Я открыла рот, но не сразу смогла выговорить хоть слово.

За моей спиной экономка торопливо произнесла:

— Ах, вы не подумайте! Это временно. Мы как раз собирались…

— Это что такое? — перебила ее я.

— Госпожа Ильгрейс…

— Это комната генеральского сына? — громко произнесла я, не ожидая от себя такой твердости. Я говорила так, что не узнавала себя.

Я повернулась к ней.

— Вы привели меня в роскошный дом, где на каждом шагу стоят дорогие безделушки. Я видела игрушки, которым позавидовал бы принц. А здесь у ребёнка даже нет нормального ковра. Где его вещи?

Госпожа Вальд снова улыбнулась, но теперь улыбка получилась жалкой.

— Ах, мадам, я же говорю вам, Ренгольд такой выдумщик! Милый, ну что ты устроил? Это ведь не твоя комната. Ты, наверное, хотел показать госпоже, где иногда занимаешься?

— Нет, моя, — упрямо сказал Ренгольд.

Он впервые с момента нашего знакомства посмотрел экономке прямо в лицо. Голос его дрожал, но он не отступил.

— Вот мои книги.

Мальчик подошёл к столу и показал на небольшую стопку. Всего несколько тонких томиков с потёртыми корешками. Рядом лежали огрызок карандаша и лист бумаги, на котором неуверенной детской рукой были выведены буквы.

— И вот…

Он поспешил к кровати, опустился на колени и достал из-

под подушки маленький портрет.

Держал его обеими руками, осторожно, словно боялся повредить. На потемневшей рамке стёрлась позолота. С портрета смотрела молодая женщина с добрым, чуть задумчивым лицом. У неё были большие глаза — такие же, как у мальчика, который стоял передо мной.

— Это моя мама, — произнёс Ренгольд.

Я присела рядом, чтобы лучше рассмотреть изображение.

Женщина была очень красивой. Только, глядя на неё, я почему-то думала не о красоте, а о том, как бережно ребёнок прятал её портрет под подушкой, в комнате, где больше почти ничего не принадлежало ему.

— Она похожа на тебя, — сказала я. — Очень…

Ренгольд слабо покачал головой.

— Нет. Это я на неё.

— Конечно, — смутилась я, поняв, что только что сказала. — Ты прав.

Он провёл большим пальцем по краю рамки. И на мгновение так прижал портрет к себе, будто обнимал живого человека.

Я тоже знала, как пустеет дом после смерти матери. Но у меня остался папа — его голос, его забота, его письма, даже когда болезнь не позволяла подняться с кресла. Ренгольд прятал мамин портрет под подушкой и ждал отца, который не приезжал. Я опустила взгляд на стёртую позолоту рамки, боясь, что мальчик увидит слёзы у меня на глазах.

Мне захотелось обнять его самого. Но я вспомнила, как мальчик вздрогнул от прикосновения госпожи Вальд, и удержалась. Вместо этого просто осталась рядом.

— У тебя есть ещё портреты мамы? — спросила я.

— Этот, — тихо ответил он. — Он мой. И эта комната моя!

Глава 33

Ренгольд взглянул на меня так быстро, что я не успела понять выражения его глаз. Потом снова посмотрел на портрет и осторожно положил его на кровать.

Я задержала взгляд на женском лице. Вот она — та, чью память, по словам поверенного, генерал продолжал беречь. После Лита эта верность показалась мне почти невозможной. И всё же я не могла понять, как мужчина, так преданный умершей жене, оставляет их сына в подобной комнате.

— Как трогательно! — заворковала экономка. — Видите, госпожа Ильгрейс, мальчик очень привязан к покойной матери. Поэтому я и не люблю, когда его тревожат. А комната… Его превосходительство ведь военный человек. Он не терпит излишеств. Считает, что наследник должен расти крепким, не избалованным. Это всё по воле генерала!

Я поднялась.

— Погодите. То вы рассказываете мне про то, что та роскошная детская, в которой я видела вашего сына, принадлежит Ренгольду. А сейчас вы говорите про то, что держать сына в комнате для слуг — приказ генерала? Мне кажется, что вы врете. Вы хотите сказать, что генерал лично приказал держать сына в такой комнате? — выпалила я, сжимая кулаки.

— Ну… не совсем лично. Но он всегда говорил, что маль-

чиков нельзя растить неженками, — стушевалась экономка.

— А игрушки?

— Ах, игрушки! Конечно, они у Ренгольда есть.

— Где? — потребовала я.

— Их убрали. Для уборки. Вы же понимаете, нельзя оставлять деревянные игрушки, пока моют полы. Они могут отсыреть. И пыль собирается. У мальчика от неё бывает кашель.

Я оглядела комнату. Пол был сухим, чистым. Ни ведра, ни тряпки, ни следов недавней уборки. И всё же я не стала спорить о том, могла ли горничная закончить работу раньше нашего прихода.

— Куда именно их унесли? — произнесла я, чувствуя, как меня трясет от ярости. Бедный мальчик. Он — хозяин дома, а живет, как слуга! Пока сын экономки жрет его еду и играет его игрушками!

— Простите? — прошептала экономка.

— Игрушки Ренгольда. Вы сказали, их убрали. В какой комнате они сейчас находятся? — выдохнула я, пока сдерживая гнев.

Экономка потянулась к броши, поправила её, хотя та сидела совершенно ровно.

— Я уточню у прислуги.

— Давайте уточним вместе. Я сейчас же пойду и посмотрю. Пока не увижу игрушки, которые принадлежат Ренгольду, не успокоюсь, — произнесла я, глядя ей в глаза.

— Госпожа Ильгрейс, зачем же так горячиться? Вы ещё не освоились, а уже так устали…

— Я не устала настолько, чтобы перепутать две детские. И мне кажется, госпожа Вальд, кое-кто в этом доме действительно перепутал комнаты. И этот кто-то — вы!

Она выпрямилась.

— Не понимаю, о чём вы.

— Ваш сын сидит среди дорогих игрушек, ест за троих, ездит на прекрасной лошадке и, судя по всему, спит в комнате, которая достойна наследника генерала. А настоящий наследник носит заплаты, голодает и живёт здесь. Вы правда считаете, что я не замечу разницы? — возмутилась я, расправив плечи.

— Но я же объяснила! Мальчики всё делят!

— Тогда пусть Сэм поделится. Пойдёмте! Посмотрим, как у нас мальчики играют вместе! — усмехнулась я.

Я повернулась к Ренгольду.

— Ты можешь пока остаться здесь, если хочешь. Не нужно никуда торопиться. И портрет мамы никому не отдавай. Спрячь его.

Он поднял на меня глаза.

— А вы вернётесь?

Я почувствовала, как болезненно сжалось сердце. Бедный ребенок. Пока я сюда не приехала, он жил в таких ужасных условиях! На мгновенье я представила, как он страдает, у меня ком слез встал в горле.

— Конечно, вернусь. Я ведь только что приехала. Мне ещё нужно как следует познакомиться с тобой.

— Вы… вы точно никуда не уйдете? — прошептал Ренгольд.

Глава 34

— Нет, — категорично ответила я. — Я твоя … ну, можно сказать, новая мама! И я не позволю никому тебя обижать! Никому, слышишь?

Слова вырвались быстрее, чем я успела подумать. Меня саму испугало, какую ответственность я сейчас на себя взяла. Я не знала, как поведёт себя генерал, когда вернётся, и даже не представляла, кто из прислуги станет мне помогать. Но мальчик смотрел на меня, прижимая к груди портрет матери. Если я сейчас отступлю, он решит, что и это обещание ничего не стоило.

Ренгольд осторожно кивнул и сел на край кровати, прижав портрет к груди.

Я вышла в коридор. Госпожа Вальд поспешила за мной. Её шаги стали быстрыми и неровными, совсем не такими, как внизу, когда она величественно распоряжалась лакеями.

— Госпожа Ильгрейс, прошу вас, не делайте поспешных выводов. Вы не знаете, как трудно управлять таким большим домом! У меня столько обязанностей. Конечно, что-то можно было упустить. Я всё исправлю, — тараторила она.

— Пока я хочу только одного: увидеть игрушки Ренгольда, — произнесла я ледяным голосом.

— Но они же общие! — воскликнула экономка.

— Тем проще будет показать, где они находятся. Мне вот

интересно, как игрушки, купленные на деньги генерала могут быть «общими»? — спросила я. — Хотя, сейчас я сама все проверю!

Я дошла до богатой детской и распахнула дверь.

Сэм по-прежнему качался на деревянной лошадке. Теперь он был без жилета, рукава дорогой рубашки засучил до локтей, а на ковре валялись несколько солдатиков, которых он, должно быть, сбросил во время игры.

— Я же сказал, не заходите сюда! — возмутился он. — Это моя комната!

Я подошла ближе.

— Сэм, мне нужно посмотреть игрушки, — произнесла я, глядя на довольное лицо Сэма.

— Зачем? — буркнул он, глядя на меня недовольным взглядом.

— Хочу узнать, какие из них принадлежат Ренгольду, — улыбнулась я.

Он на мгновение перестал раскачиваться, потом громко фыркнул:

— Никакие! Тут всё моё!

Экономка торопливо встала рядом с нами.

— Дорогой, не говори глупостей. Ты ведь знаешь, что вы с Ренгольдом всем делитесь. Он просто шутит, госпожа Ильгрейс. Такой уж у него возраст…

— Не шучу! — крикнул Сэм, вскочив с лошадки и сгребая все игрушки с полки. Он прижал их к груди. — Это мои

солдатики! Мои корабли! И лошадка тоже моя!

Глядя на него, я вдруг поняла, что он и правда считает все эти вещи своими. Он привык слышать, что здесь можно брать всё, что захочется, а Ренгольд должен уступать. Злость на экономку поднялась с новой силой, но я постаралась не сорвать её на ребёнке. Сейчас мне предстояло не наказать Сэма за чужие решения, а впервые объяснить ему границы.

— Хорошо, тогда я унесу лошадку. Ренгольд тоже хочет поиграть, — сказала я. — Дай сюда игрушку.

Сэм выронил солдатиков на роскошный ковер и тут же вцепился в поводья.

— Не дам! — заорал он. И топнул ногой. — Никто не имеет права трогать мои игрушки!

Он снова забрался на нее, ударил пятками по деревянным бокам лошадки и принялся раскачиваться с такой силой, что мне пришлось отступить, чтобы полоз не задел туфлю.

— Сэм, перестань сейчас же! — воскликнула экономка.

— Нет! — выкрикнул он и покраснел. Глаза наполнились слезами злости. — Уходите из моей комнаты! Как вы смеете!

Госпожа Вальд шагнула к сыну, но я остановила её движением руки. Он снова дёрнул поводья и закричал так громко, что за дверью послышались торопливые шаги прислуги:

— Это моя комната! Мои игрушки! Никто не имеет права мне приказывать! Моя мама главная в этом доме!

Глава 35

Последние слова Сэма ещё звенели в ушах. Мальчик раскачивался на лошадке с таким остервенением, что её деревянные полозья грохотали по полу. За дверью кто-то испуганно топтался, но войти не решался. Госпожа Вальд стояла возле сына, то протягивая к нему руки, то оглядываясь на меня. Похоже, она больше боялась того, что я слышала, чем того, что мальчик сейчас опрокинет тяжёлую игрушку на себя.

— Сэм, слезь, — сказала я. — Мне нужна эта лошадка.

— Не слезу! — Он дёрнул поводья. — Это моя лошадка! Мама, скажи ей!

— Госпожа Ильгрейс, прошу вас… — начала экономка.

— Успокойте сына, госпожа Вальд. И объясните ему наконец, кто в доме хозяйка.

Я не стала отбирать у него лошадку. Не сейчас. Я уже видела, как он вцепился в поводья, и не собиралась устраивать борьбу с ребёнком на глазах у перепуганной прислуги. Но оставлять всё как есть тоже не собиралась.

— Мы ещё вернёмся к вопросу о том, кому принадлежит эта комната, — добавила я. — А пока мне нужно поговорить с Ренгольдом.

Улыбка экономки дрогнула.

— Ах, не стоит его тревожить! Мальчик очень впечатли-

тельный, ему сейчас лучше отдохнуть.

— Тогда я сама спрошу, хочет ли он со мной говорить.

Я вышла, не дожидаясь ответа. За спиной раздался возмущённый вопль Сэма, потом голос матери, умолявшей его вести себя прилично.

Я шла по коридору, слыша за спиной то всхлипывания Сэма, то угодливый голос экономки. Ногти врезались в ладони. Мне очень хотелось вернуться, взять эту проклятую лошадку и отнести Ренгольду, чтобы он хотя бы раз получил то, что принадлежало ему по праву. Но у мальчика не было ни сил, ни смелости спорить даже из-за пирожного. Станет ли ему легче, если я устрою скандал, а потом уеду, как уезжали все взрослые? Я разжала пальцы, заставив себя идти медленнее. Сначала нужно было узнать, что он сам готов мне рассказать.

До сегодняшнего дня мне казалось, что самое страшное в чужом доме — оказаться нежеланной. Теперь я знала, что может быть хуже.

Можно родиться хозяином, носить фамилию, перед которой склоняется королевство, и всё равно бояться попросить у прислуги кусок хлеба.

Я остановилась возле двери Ренгольда. Из-за неё не доносилось ни шороха. Только в дальнем конце коридора глухо хлопнула дверь, а потом вновь стало тихо.

Я постучала.

— Ренгольд? Это я, Виен. Можно войти? — произнесла я, прислушиваясь к комнате.

Мне ответили не сразу.

— Можно, — ответил тихий детский голос.

Он сидел на краю узкой кровати, там же, где я его оставила. Портрет матери лежал у него на коленях, и мальчик придерживал его ладонью, словно боялся, что изображение исчезнет, стоит отвернуться. Увидев меня, он поспешил подняться.

— Не нужно, — попросила я. — Сиди, пожалуйста. Я ведь не на проверку пришла.

Он снова сел, но спину выпрямил так старательно, что мне стало больно смотреть на его напряжённые плечи.

Где-то за окном вскрикнула птица. Звук казался необычайно громким в этой тесной тишине. Из неплотно закрытого окна тянуло прохладой; я заметила, что край одеяла на кровати подоткнут с такой аккуратностью, словно за каждую складку могли сделать выговор. А потом посмотрела на портрет. Мать Ренгольда улыбалась ему с потемневшей бумаги, не зная, как живёт её сын. Я невольно провела ладонью по шершавой обивке стула. Как бы я хотела, чтобы она могла войти сейчас в эту дверь и забрать у мальчика страх хотя бы на одну минуту.

Глава 36

Я присела на стул напротив. Он оказался жёстким и низким; ножка чуть качнулась, когда я перенесла на неё вес. Ренгольд проследил за этим движением и поспешно убрал ноги, хотя они мне совершенно не мешали.

— Я хотела с тобой поговорить, — начала я и неожиданно растерялась.

Ещё в коридоре слова казались простыми. Я собиралась спросить, кто его обижает, и обещать, что этому придёт конец. Но стоило увидеть, как пятилетний мальчик подобрал ноги, освобождая мне место, и я растерялась. Любой мой вопрос мог прозвучать для него как очередная проверка. Ведь здесь взрослые спрашивали не для того, чтобы услышать ответ, а чтобы решить, заслужил ли он наказание.

Я вытерла вспотевшую ладонь о юбку. Брачный договор давал мне право называться хозяйкой дома, но не давал права требовать от Ренгольда доверия.

Я положила руки на колени, стараясь не делать резких движений.

— Послушай, Ренгольд. Я понимаю, что я тебе чужая. Мы познакомились всего несколько часов назад. И я не жду, что ты сразу начнёшь мне доверять. Наверное, ты даже не знаешь, зачем я здесь появилась, — осторожно произнесла я, чувствуя неловкость.

Он покосился на портрет.

— Вы теперь папина жена, — произнес мальчик. — Вы сами это сказали.

— Да, — призналась я. — И мне самой ещё трудно к этому привыкнуть. Но я хочу, чтобы ты знал: мне не нравится то, что я сегодня увидела. Очень не нравится. Я вижу, что тебя обижают.

Ренгольд поднял голову. Огромные светлые глаза сразу сделались настороженными.

— Я не жаловался, — тихо произнес он.

— Знаю. Ты ничего плохого не сделал. Я сама догадалась, — кивнула я.

— Я не говорил, что госпожа Вальд плохая, — поспешно добавил он, вцепившись в край портрета. — Она старается. Она говорит, что меня надо воспитывать.

Я невольно посмотрела на дверь. Экономки здесь не было, но мальчик защищал её так поспешно, будто она всё равно могла услышать.

И меня вдруг испугало другое: если я неосторожно назову её жестокой, не решит ли Ренгольд, что предал человека, которому обязан подчиняться? Я прикусила внутреннюю сторону щеки и постаралась говорить мягче.

— Может быть, она так говорит. Но это не значит, что она во всём права. Ренгольд, я хочу тебя защитить. Только мне нужно понять, что здесь происходит. Ты можешь рассказать мне всё, как есть? Не то, что госпожа Вальд велела говорить,

а то, что происходит на самом деле.

Он долго смотрел на меня, потом перевёл взгляд на дверь.

— А вы никуда не уедете?

Глава 37

Этот вопрос больно задел меня. Я ведь уже говорила ему, что остаюсь. Но, похоже, для Ренгольда слова взрослых мало что значили. Я вспомнила, как сама стояла утром возле двери Лита и ждала, что тот наконец скажет что-нибудь доброе. Мне было страшно поверить ещё одному человеку — а этот мальчик всё-таки спрашивал. Не об игрушках и не о еде. Только о том, не исчезну ли я. Я медленно выдохнула, чтобы ответ не прозвучал слишком торопливым.

— Нет, — ответила я. — Я никуда не уеду. Сегодня останусь здесь и завтра тоже. Это теперь и мой дом. И если тебе понадобится поговорить, ты сможешь меня найти.

— Даже если госпожа Вальд скажет, что я плохо себя вёл?

— Даже тогда. Ты можешь ошибаться, сердиться, даже капризничать. От этого я не собираюсь уезжать, — твердо ответила я.

Он опустил глаза. Тонкие пальцы начали теребить уголок рамки.

Я ждала, слушая, как где-то в стене едва слышно поскрипывает дерево. Каждая секунда тянулась невыносимо долго.

Хотелось разом спросить обо всём: о еде, одежде, страхе перед экономкой. Но Ренгольд сидел, уставившись в мамин портрет, и я поняла, что сейчас он решает не только говорить ли ему.

Он решает, можно ли мне доверить то, за что его, возможно, уже наказывали. Я отвернулась к окну, оставив ему хотя бы возможность не встречаться со мной глазами.

— Она говорит… — начал Ренгольд и остановился.

Я чуть подалась вперёд.

— Я слушаю. Все хорошо. Мне ты можешь рассказать все, — прошептала я.

— Она говорит, что папа запретил давать мне пирожные. Потому что сладкое портит характер. И что надо чаще наказывать, чтобы я рос настоящим мужчиной.

Услышать о приказах генерала я не ожидала. На какое-то мгновение стало легче поверить, что экономка всё выдумала, чем представить человека, которому я сегодня дала согласие стать женой.

Я видела мужа лишь на портретах в газетах: прямую осанку, ордена, суровое лицо героя. Неужели тот самый человек мог велеть наказывать собственного пятилетнего сына за слабость?

Я опустила взгляд на маленькие пальцы Ренгольда. Пока это были слова госпожи Вальд. Только её слова. Но ребёнок верил в них безоговорочно.

— А что ещё она говорит?

— Что папа велел мне жить здесь, — тихо продолжил мальчик. — Чтобы я привыкал к военным условиям. Папа ведь генерал. А солдаты должны уметь терпеть. Я стараюсь привыкнуть.

Я снова оглядела стены, тонкое одеяло, щель возле оконной рамы. Слова о военных условиях словно объяснили всё сразу, и от этого объяснения меня бросило в жар. Ренгольд, наверное, лежал здесь по ночам, старательно не жалуясь на холод: ведь где-то далеко его папа делал то же самое.

Я потянула ворот платья, не сразу попав пальцами на пуговицу. За окном светило солнце, но мне чудился сырой холод этой комнаты после наступления темноты.

— Ренгольд, а как тебя здесь кормят? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Как солдата, — грустно ответил мальчик.

— То есть? — не поняла я, пытаясь представить солдатскую кухню.

Он пожал плечами.

— Она говорит, на войне часто голодают. Иногда есть совсем нечего. А настоящий солдат должен уметь обходиться малым. Поэтому я ем один раз в день.

Я не сразу поняла сказанное.

— Один раз? — обалдела я, не веря своим ушам.

Он кивнул.

— А утром? И вечером? — спросила я, хотя услышала ответ совершенно ясно.

— Один раз в день, — терпеливо повторил Ренгольд, будто объяснял мне совсем простую вещь. — Если я хорошо себя веду.

Глава 38

Стул подо мной тихо скрипнул. Я ухватилась за его край так резко, что зацепила ногтем занозу, но почти не ощутила боли.

Один раз в день.

Я попыталась вспомнить, когда сама последний раз пропускала обед: к вечеру начинала кружиться голова, руки становились ватными. А передо мной сидел ребёнок, который говорил об этом спокойно, словно речь шла о времени занятий. Я открыла рот, но сначала не смогла выговорить ни слова.

— Что?.. — выговорила я. — Ренгольд, ты ешь один раз в день?

Он испуганно втянул голову в плечи.

— Я умею терпеть, — поспешно заверил меня. — Правда. Только иногда живот урчит. Это он сам. Я не специально.

На миг мне показалось, что я неправильно расслышала. Он не просто привык голодать. Он считал, что даже звук собственного живота — дурной поступок, за который придётся оправдываться.

Я почти встала, собираясь немедленно распорядиться обедом. Но Ренгольд вздрогнул от одного моего движения.

Пришлось медленно опуститься обратно, хотя всё внутри требовало действовать. Хотелось бежать на кухню, прове-

рить продукты, расспросить прислугу, вытащить отсюда экономку.

Только передо мной был мальчик, который боялся быть замеченным за едой.

Я заставила себя медленно вдохнуть через нос. Воздух царапал пересохшее горло.

— Ты не виноват в том, что голоден, — сказала я. — Слышишь? Никто не виноват, когда хочет есть.

Он смотрел так, словно я сообщила, что теперь можно не дышать. Я заставила себя улыбнуться, но улыбка вышла неловкой и быстро погасла.

Горло саднило от сдержанных слёз. Я не хотела плакать перед ним: ещё подумает, что должен утешать меня за собственный голод.

— А игрушки? — спросила я, когда наконец смогла говорить. — Почему они все в другой комнате?

Ренгольд погладил портрет матери большим пальцем.

— Папа запретил мне играть. Госпожа Вальд сказала, что я вырасту неженкой. Поэтому Сэму игрушки можно, а мне нельзя. Он не собирается быть военным.

— А ты собираешься?

Мальчик кивнул, не поднимая глаз.

— Я хочу быть как папа. Тогда он, наверное, приедет. Госпожа Вальд сказала, что папа не приезжает потому, что я плохо себя веду. Я стараюсь вести себя хорошо! Но госпожа Вальд всегда мною недовольна!

Я уставилась на светлую прядь, упавшую ему на лоб. Оказывается, мальчик не просто выполнял чужие правила. Он надеялся, что, если научится терпеть голод и холод, папа наконец приедет и останется с ним.

У меня перед глазами встало отцовское кресло, письма, которые я отправляла ему даже во время коротких поездок. Я могла сколько угодно обижаться на папу за упрямство с верфями, но никогда не сомневалась, что он хочет меня видеть.

А Ренгольд сомневался каждый день. И я не знала, как объяснить ему, что любовь не нужно заслуживать голодом.

— Однажды я взял лошадку, — продолжил он неожиданно. — Ту, большую. Сэм сказал, что нельзя. Я только хотел покачаться немножко. Он стал её отнимать, а я не отдал.

Ренгольд стиснул рамку портрета обеими руками, так что побелели кончики пальцев. Лошадка стояла в соседней комнате, и я всего несколько минут назад видела, как Сэм бил её пятками, крича о своём праве на все игрушки.

Теперь стало понятно, почему Ренгольд даже не попробовал подойти к ней при мне. Я провела ладонью по колену, разглаживая несуществующую складку, чтобы он не заметил, как сильно меня разозлили его слова.

— И что произошло? — спросила я почти шёпотом. Я уже понимала, что мне не понравится ответ. И всё же должна была его услышать, прежде чем решать, что делать дальше.

— Мы подрались. Я его… ударил, — вздохнул Ренгольд.

Глава 39

Последнее слово он произнёс так тихо, что я едва расслышала.

— Ты ударил Сэма?

Ренгольд кивнул. Нижняя губа у него задрожала.

— Я знаю, что нельзя. Я больше никогда не буду. Он закричал, а госпожа Вальд прибежала. И…

Он замолчал. Взгляд скользнул к двери.

— И что было потом? — спросила я, придвигаясь ровно настолько, чтобы он мог расслышать мой голос. — Ты можешь сказать мне правду. Я не стану тебя ругать.

Я протянула руку ладонью вверх и оставила между нами небольшое расстояние. Ренгольд посмотрел сначала на неё, потом мне в лицо, будто ожидал скрытого условия. Лишь спустя несколько мгновений на моей ладони оказались два его пальца — лёгкие, прохладные, с коротко обстриженными ногтями.

Я едва заметно провела большим пальцем по его кисти. Он не отдёрнул руку. Это крохотное доверие растрогало меня сильнее, чем если бы он бросился обниматься.

— Она сказала, что я не буду есть два дня, — выговорил он. — За то, что ударил Сэма и не умею себя вести. Потом сказала, что написала папе. И папа ответил, что меня нельзя кормить два дня.

В комнате стало так тихо, что я услышала, как кончик рамки стукнул о деревянную спинку кровати. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать его слова.

Не оставить без пирожного. Не отправить спать без ужина. Два дня совсем без еды.

Я почувствовала на языке горечь и прижала ладонь к животу, который неожиданно болезненно свело.

Я вспомнила отца. Как однажды в детстве отказалась есть кашу, а он притворился, что собирается сам её доесть, и я, возмущённая несправедливостью, потребовала свою ложку обратно.

Позже, когда он заболел, уже я сидела рядом с чашкой бульона и уговаривала его сделать ещё глоток. Мы оба боялись, что другому не хватит сил. А кто сидел рядом с Ренгольдом, когда у него от голода болел живот? Кто слышал, как он плакал ночью? Я боялась спросить: вдруг окажется, что никто.

А здесь пятилетнему ребёнку объявляли голодовку. Двое суток. За игрушечную лошадку.

— И ты… — Голос предательски сорвался. Я сглотнула. — Ты правда два дня ничего не ел?

Он кивнул.

— Воду давали. А потом разрешили суп. Я больше лошадку не трогаю.

Ренгольд рассказал об этом без слёз, с той же серьёзностью, с какой сообщил, что нельзя брать лошадку. И мне стало особенно страшно. Для него два дня голода уже превра-

тились в урок хорошего поведения. Я смотрела на тонкую шею, выглядывающую из воротника, и вдруг поняла, что он ждёт от меня не утешения, а оценки: правильно ли он поступил, отказавшись от игрушки после наказания.

— Ты не должен был этого терпеть, — прошептала я, чувствуя желание обнять этого несчастного ребенка. — Ты правильно поступил. Ты защищал свое. Так поступают настоящие военные. Они защищают свою землю. Ты поступил, как папа.

— Но папа…

— Я не знаю, что именно твой папа говорил госпоже Вальд, — перебила я и сразу пожалела, что прозвучала резко. — Прости. Я не сержусь на тебя. Просто я обязательно узнаю, какие распоряжения он отдавал. И расскажу ему, что происходило здесь.

Ренгольд отнял пальцы от моей ладони.

— А он рассердится?

— Возможно, — ответила я после короткой паузы. — Но не на тебя за то, что ты рассказал правду. Я не позволю снова наказывать тебя голодом.

Глава 40

Я произнесла это и вдруг испугалась не экономки, а собственного обещания. Что, если генерал и вправду распорядился так обращаться с сыном?

Сегодня утром я отказалась от брака с Литом, хотя от его денег зависело лечение отца. А теперь мне пришлось бы спорить с человеком, на чьих деньгах держалось моё новое положение.

Я ещё ни разу не видела Тейнриха Ильгрейса. Не знала, как он разговаривает, что делает, когда ему противоречат. Но если поверенный не лгал и генерал хотел найти сыну защиту, он обязан был услышать, от чего именно требуется его защищать. Даже если эта правда ему не понравится.

— Я хочу ещё кое-что спросить, — сказала я. — Ты сегодня уже ел?

Он кивнул.

— Кашу. Утром. До уроков. Она была холодная и липкая.

Я взглянула на окно. Солнце давно миновало полдень. Холодная липкая каша утром — вот и всё, что он получил за целый день.

Я вспомнила, как госпожа Вальд уверяла меня за накрытым столом, что мальчик прекрасно поел. Меня укололо чувство собственной глупости: я позволила ей столько времени говорить о распорядке, пока ребёнок сидел рядом и ждал,

когда ему разрешат взять хоть что-нибудь. Но теперь важнее было не наказать виновную, а сделать так, чтобы Ренгольд поел.

— Я распоряжусь, чтобы тебе принесли нормальный обед, — сказала я. — И ужин тоже. Не пирожные вместо еды, а суп, мясо или что ты любишь. Но сначала мы попросим немного, чтобы у тебя не заболел живот.

— А можно хлеба? — спросил он так робко, словно просил слишком многого.

Я закрыла глаза и крепко стиснула губы. Он мог попросить пирожное с вишней, кусочек шоколада, ту самую красивую лошадку — всё, что я видела в соседней детской. А попросил хлеба. Я вдруг вспомнила запах свежих булочек, которым когда-то наполнялась наша кухня, и с болезненной ясностью поняла, насколько мало нужно было этому ребёнку, чтобы почувствовать себя счастливым.

— Конечно, Ренгольд. Хлеба тоже можно.

Я поднялась. Мне хотелось сказать ещё что-нибудь ласковое, но все слова казались сейчас недостаточными. Мальчик сидел с портретом на коленях и следил за мной так внимательно, будто пытался угадать, не окажется ли и этот разговор ошибкой.

— Я сейчас вернусь, — пообещала я. — И пришлю тебе поесть. Не бойся, пожалуйста. Я с тобой.

— Вы обещали не уезжать, — напомнил он.

— Я помню. Я никуда не уеду, — прошептала я, сдержи-

вая слезы.

В коридоре оказалось прохладнее. Я прикрыла дверь осторожно, чтобы не напугать Ренгольда стуком, и некоторое время стояла, прижавшись к холодной деревянной створке. Ноги предательски дрожали.

Рядом с мальчиком я старалась держать лицо, подбирать спокойные слова, не поддаваться желанию обнять его и расплакаться. Теперь можно было хотя бы выдохнуть. Но вместо облегчения пришла ярость — ясная, тяжёлая. Я ещё чувствовала на ладони прикосновение двух маленьких пальцев и уже знала, что не оставлю его наедине с этой женщиной.

И почти сразу увидела госпожу Вальд.

Она стояла так близко, что между её плечом и дверной ручкой оставалось всего несколько дюймов. При моём появлении экономка поспешно выпрямилась, поправила жемчужную брошь и попыталась изобразить озабоченный вид.

— Ах, мадам! Я как раз хотела узнать, не нужно ли вам…

— Надеюсь, вы услышали достаточно, госпожа Вальд, — ледяным голосом сказала я. — Когда прижимались ухом к двери?

Она замолчала, явно не ожидая от меня такой прямолинейности.

— Достаточно для чего? — изобразила она удивление.

— Чтобы понять, что ребенка нужно накормить немедленно. И почему я сейчас напишу письмо моему мужу, — ответила я.

Голос прозвучал неожиданно спокойно. Я сама удивилась: минуту назад у меня дрожали колени, а сейчас слова давались легко, словно решение уже было принято за меня.

Глава 41

Лицо экономки на мгновение изменилось. Не сильно: только губы сжались, а пальцы так резко стиснули край юбки, что ткань натянулась.

В дальнем конце коридора появилась горничная, привлечённая нашими голосами. Я подозвала её, пока госпожа Вальд ещё не успела придумать новое объяснение.

— Пожалуйста, отнесите Ренгольду в комнату тёплый суп, немного хлеба и воды. И проследите, чтобы он спокойно поел, — попросила я. — Если будут вопросы, скажите, что это мой приказ.

Экономка дёрнулась, но я посмотрела на неё прежде, чем она открыла рот. Девушка быстро присела и поспешила к лестнице. Я проводила её взглядом. Мне было необходимо убедиться, что Ренгольд получит обед, а не ещё одно обещание, за которое потом придётся расплачиваться.

— Мадам, постойте! — воскликнула она, когда я двинулась по коридору. — Я всё вам объясню!

— Вы уже объяснили. И про строгое воспитание, и про больной желудок, и про бережливость. Теперь я хочу услышать, что об этом думает генерал.

Я шла так быстро, что сама удивлялась собственным шагам. Длинный коридор, ещё недавно казавшийся чужим и бесконечным, теперь был всего лишь дорогой к бумаге и чер-

нилам. Каблуки глухо стучали по ковру. За спиной шуршала юбка экономки.

— Госпожа Ильгрейс, вы не представляете, какой у его превосходительства характер! — почти задыхаясь, говорила она. — Нельзя беспокоить его такими пустяками! Он на службе, на войне! Вы только приехали, ничего не знаете о нашем доме!

— Зато я уже узнала, как здесь кормят его сына, — ответила я.

— Пожалуйста, остановитесь! Мы можем всё уладить между собой! — послышался голос экономки за моей спиной. — Я служу в этом доме уже пять лет! Вы просто ничего не знаете. Не стоит делать поспешных выводов, исходя из слов ребенка.

— Я и не делаю никаких выводов. Я просто хочу услышать мнение моего мужа на этот счет. Вот и все.

Экономка издала странный звук, похожий на короткий всхлип, но я не обернулась.

— Мадам, мальчик преувеличивает! Вы же сами видели, какой он впечатлительный!

— Вы хотите сказать, что он придумал, будто вы ссылались на приказы отца? — парировала я.

Ответа не последовало.

Я открыла одну дверь. За ней оказалась небольшая гостиная с вышитыми креслами. За следующей — комната, где стояли шкафы со скатертями и бельём. Я уже хотела спро-

сить у лакея, где находится кабинет, но заметила тяжёлую тёмную дверь с бронзовой ручкой.

За ней обнаружилась просторная комната с огромным письменным столом, книжными шкафами и высоким окном. На столе стояли чернильница, песочница для промокания чернил и несколько аккуратно сложенных листов бумаги. Здесь пахло кожей переплётов, сухим деревом и чем-то терпким — возможно, табаком, который давно выветрился, но ещё хранился в обивке кресла.

Кабинет генерала.

Я подошла к столу, коснулась тёмной полированной поверхности и неожиданно замерла. Всё здесь принадлежало человеку, которого я называла мужем, не зная даже его голоса.

Он находился где-то на войне, а я собиралась рассказать ему, что в его доме отказывают в еде собственному сыну. Мне хотелось верить, что, прочитав письмо, он придёт в ужас.

Но что, если вместо этого рассердится на меня? Я вспомнила больную отцовскую руку, его надежду на моё удачное замужество, и на мгновение стало стыдно за собственную трусость. Ренгольду некуда было уйти. А у меня хотя бы было перо и право написать его отцу.

Я выдвинула кресло. Оно оказалось тяжёлым, с высокой спинкой. Села и придвинула лист. Взяла перо, обмакнула в чернила.

Позади раздались быстрые шаги.

Глава 42

— Мадам! Я умоляю вас, давайте просто сядем и поговорим, — произнесла госпожа Вальд. — Вам не нужно делать из этого скандал.

— Я больше не хочу разговаривать, — ответила я, глядя на чистый лист. — Не мешайте мне писать письмо. Это приказ.

Чернила набухли на кончике пера. Я уже собиралась вывести первое слово, когда поняла, что не представляю, как начать.

«Дорогой супруг»? От этого обращения меня едва не передёрнуло. Каким дорогим он мог быть, если я ни разу не разговаривала с ним? «Уважаемый генерал»? Слишком сухо для жены, хотя, пожалуй, куда честнее.

И тут я с ужасом обнаружила, что не помню его имени.

Фамилия Ильгрейс стояла перед глазами на каждой странице договора, а имя вдруг исчезло из памяти. Поверенный произносил его несколько раз. Я сама объявила о браке перед Литом и гостями. И теперь не могла вспомнить!

От нелепости происходящего меня едва не разобрал нервный смех. Совсем недавно мне казалось, что хуже сорванной свадьбы ничего не бывает.

А вот теперь я сидела в кабинете незнакомого мужчины, сжимая перо, и собиралась рассказать ему, как унижают его

ребёнка. Сказать «мой муж» оказалось куда легче, чем написать ему первое слово.

Я стиснула перо чуть сильнее. Капля чернил сорвалась на бумагу.

— Мадам, вы совершаете роковую ошибку, — внезапно произнесла госпожа Вальд.

Я подняла голову.

Её голос изменился. Исчезли просительные нотки, исчезло суетливое желание угодить. Экономка стояла напротив стола, выпрямив спину и сложив руки на животе. И смотрела на меня без прежней сладкой улыбки.

— Пишите, пишите, — добавила она с неприятной усмешкой. — Посмотрим, что скажет Тейнрих, когда увидит ваше письмо. Вы, должно быть, решили, что стоит только пожаловаться — и он немедленно прилетит вас утешать?

Тейнрих.

Вот оно.

Я опустила глаза и вывела на бумаге: «Его превосходительству генералу Тейнриху Ильгрейсу».

Перо чуть царапало плотный лист. Впервые за всё время я почувствовала облегчение от того, что госпожа Вальд продолжала говорить.

— Прежде чем отправлять такие письма, — сказала она, — вам следовало бы кое-что узнать.

— Мне уже известно достаточно, чтобы написать мужу, что его ребёнка морят голодом, — ответила я, выпрямляя

спину. — Вы можете считать меня неразумной, неопытной, слишком молодой. Но я видела Ренгольда. И слышала, что он рассказал.

Экономка усмехнулась. Причем, довольно дерзко.

— Ах, мадам. Вы совершенно ничего не понимаете.

— Объясните тогда, почему пятилетнему мальчику запрещают есть чаще раза в день. Да, я действительно этого не понимаю. Я не понимаю и отказываюсь понимать, к какой войне готовят пятилетнего мальчика! — повысила я голос.

— Вы всё о Ренгольде да о Ренгольде! — раздражённо бросила она. — Будто в этом доме других детей нет.

— Другим детям, насколько я заметила, никто не запрещает ни сладости, ни игрушки, ни лучшие комнаты, — заметила я. — При условии, что эти, как вы выразились «другие дети» не имеют никакого отношения к семье генерала. Эти «другие дети» являются детьми прислуги. И я собираюсь выяснить, почему сын прислуги живет лучше, чем сын хозяина. Что в этом такого?

— Вы допускаете роковую ошибку. Я бы на вашем месте трижды подумала, прежде чем писать это письмо, — произнесла она и улыбнулась.

Улыбка была совсем иной, чем в столовой: ни извиняющейся, ни угодливой. На миг мне показалось, что госпожа Вальд не боится моего письма. Она ждёт его, словно уверена, что оно принесёт неприятности прежде всего мне.

Глава 43

Мне не понравилась эта улыбка. Я осторожно положила перо на подставку, чтобы не испортить письмо.

— На меня не действуют ваши угрозы. Я требую только одного, госпожа Вальд. Перестаньте обделять сына генерала.

Несколько секунд в кабинете висела тишина.

— О, сына генерала я как раз не обделяю, — усмехнулась она. — Выбросьте письмо и дослушайте меня.

Я нахмурилась, глядя на эту красивую самодовольную женщину, которая вела себя здесь так, словно это ее поместье.

— Что именно я должна услышать? — осведомилась я.

Она помедлила, наслаждаясь моим недоумением, и произнесла, отчётливо разделяя слова:

— Я даже не знаю, как вам это сказать. Конечно, вам как супруге этого знать не стоит. Но в доме не один сын генерала. А два.

Я несколько секунд смотрела на её лицо, ожидая, что она сама поправится. Одного из сыновей? Но поверенный рассказывал мне только о Ренгольде. Мне показалось, что кабинет слегка покачнулся, хотя кресло подо мной даже не скрипнуло.

Перед глазами вдруг возник Сэм — его круглое лицо, новый бархатный жилет, золотые пряжки на туфельках. Рос-

кошная детская, игрушки, которыми он не желал делиться. И эта женщина в дорогом зелёном платье, с жемчужной брошью, уверенно распоряжавшаяся домом генерала так, словно имела на это право.

Молодая, красивая. Она вовсе не походила на прислугу по поведению.

У меня похолодели пальцы. Поверенный говорил о любви Тейнриха к покойной жене, и я успела восхититься его верностью. Для меня он уже был почти образцом мужчины. А теперь госпожа Вальд уверяла, что генерал — отец Сэма. Неужели его прекрасная верность была обманом?

А теперь перед глазами возникло совсем другое: генерал возвращается домой, и госпожа Вальд без всяких церемоний выходит ему навстречу; Сэм бросается к нему, уверенный в своей безнаказанности.

Я почувствовала себя глупой. Ведь уже при первой встрече приняла экономку за родственницу хозяина из-за ее манеры держаться. Неужели она заняла в этом доме место не случайно?

Нет. Не может быть.

Или может?

Щёки обожгло жаром. И дело было даже не в ревности: как можно ревновать человека, которого я никогда не встречала?

Мне вспомнился договор: пока генерал воюет, мне запрещено заводить любовников, иначе — немедленный развод.

А сам он, выходит, жил с другой? После утреннего унижения Лита я снова представила себя женой только для бумаг, тогда как настоящая хозяйка давно живёт здесь.

Ещё утром я обещала себе никогда больше не позволять обращаться со мной как с ненужной вещью. Неужели снова оказалась в таком положении?

Я заставила себя посмотреть на госпожу Вальд ещё раз.

Она смотрела на меня с удовольствием человека, который точно знает, куда ударил. Но ведь я уже поймала её на лжи. Она уверяла, что Ренгольд сыт, что все игрушки общие и что ребёнок сам выбрал свою жалкую комнату.

Почему сейчас я должна принимать на веру ещё одно её заявление? И даже если Сэм действительно сын генерала — разве это оправдывает голод и наказания Ренгольда? Последняя мысль помогла мне вновь почувствовать твёрдую поверхность стола под ладонями.

Я опустила взгляд на письмо. На бумаге уже стояло имя Тейнриха, а ниже оставалось пустое место.

На пальце расплылась чернильная полоска; я машинально потёрла её большим пальцем и только размазала сильнее.

Экономка хотела, чтобы я испугалась и отложила перо. Я не знала, правда ли то, на что она намекала. Не знала, каким окажется мой муж. Но ребёнок за стеной действительно ел раз в день. Эта правда никуда не исчезла от одного её многозначительного намёка.

Госпожа Вальд наблюдала за мной с откровенным удо-

вольствием.

— Ну что? — спросила она, чуть склонив голову. — Всё ещё собираетесь на меня жаловаться? Или будем жить дружно?

Глава 44

— Жить дружно? — переспросила я, поднимая глаза от бумаги. — После всего, что я сегодня увидела?

Госпожа Вальд стояла напротив письменного стола, чуть повернув голову.

На её губах ещё держалась уверенная улыбка. Теперь, когда она объявила Сэма вторым сыном генерала, от прежней суетливой любезности не осталось и следа.

Кажется, экономка ожидала, что я немедленно испугаюсь, порву письмо и начну выяснять, какие именно отношения связывали её с моим мужем.

А я действительно испугалась.

От мысли, что в этом доме могла жить женщина, которую Тейнрих знал куда лучше собственной законной супруги, стало мерзко и тесно в груди.

Я с силой прижала пальцы к краю стола, почувствовала под ними гладкое дерево и заставила себя посмотреть на лежащий передо мной лист.

На нём уже было выведено имя генерала. Тейнриха Ильгрейса. Моего мужа, которого я ни разу не видела вблизи и о котором знала меньше, чем о некоторых дальних знакомых отца.

Мы заключили фиктивный брак. От меня требовали верности, а у генерала, возможно, была другая женщина. От

этой несправедливости меня передёрнуло.

Только доказательств у госпожи Вальд не было. Одни намёки — от женщины, которую я уже не раз поймала на лжи.

Экономка терпеливо ждала. Я услышала, как звякнуло украшение на её запястье, когда она поправила манжет. Она имела полное право считать меня глупой. Ведь я действительно ничего не знала ни о генерале, ни об устройстве этого дома, а уже принимала решения.

Зато я знала, что Ренгольд ел холодную кашу и спрашивал разрешения взять хлеб. Знала, как мальчик держал портрет покойной матери, боясь даже пошевелиться. И слышала, каким ровным голосом он рассказал, что провёл два дня без еды.

Я не собиралась отдавать этой женщине право решать, что станет с Ренгольдом. За его безопасность теперь отвечала и я.

— Если вы закончили, госпожа Вальд, я хотела бы продолжить, — произнесла я и придвинула к себе бумагу.

Экономка слегка наклонилась вперёд.

— Вы разве не поняли, что я вам сказала? Сэм…

— Я прекрасно услышала вас, — перебила я. — Вы утверждаете, что Сэм сын моего мужа. Очень хорошо. При случае я задам генералу и этот вопрос. Но сейчас меня интересует Ренгольд. Почему его морят голодом и почему отняли игрушки?

Её улыбка дрогнула.

— Я вам уже объясняла, что мальчику необходимо суровое воспитание! И если Тейнрих…

— Тогда ему будет нетрудно подтвердить собственные распоряжения. В письме я обязательно спрошу об этом.

Глава 45

Я вновь взяла перо. На кончике ещё оставались чернила, но рука так дрожала, что пришлось сначала положить её на стол и подождать, пока пальцы перестанут судорожно сжиматься.

«Ваше превосходительство, — начала я, — сегодня поверенный привёз меня в ваш дом. Полагаю, известие о нашем браке уже направлено вам в официальном порядке. Простите, что моё первое личное письмо начинается с неприятных обстоятельств, но я не считаю возможным промолчать о том, что увидела».

Буквы выходили неровными. Я перечитала написанное, поморщилась и хотела было взять другой лист. Как будто от красоты моего почерка зависело, поверит ли мне генерал. Но потом вспомнила, что Ренгольд сидит наверху, ожидая обеда, который никогда не должен был становиться для него наградой за послушание.

Я продолжила писать.

«Ваш сын Ренгольд живёт в бедно обставленной комнате, носит старую заштопанную одежду и боится взять еду без разрешения. Сегодня он признался мне, что обычно получает пищу один раз в день, а однажды за ссору с Сэмом был лишён её на двое суток. Госпожа Вальд объясняет всё вашим личным приказом. По её словам, вы велели приучать маль-

чика к военным условиям, сурово наказывать и не давать ему игрушек».

Я задержала перо над бумагой. Нельзя было писать так, будто я уже знала, что генерал виновен. Ренгольд верил словам экономки; но сама я не слышала ни одного приказа Тейнриха. Если обвиню его без доказательств, он вправе рассердиться. А мне нужно было, чтобы он прежде всего обратил внимание на сына.

Я аккуратно добавила:

«Я не знаю, действительно ли вы отдавали такие распоряжения, и прошу немедленно разъяснить это. Однако хочу сообщить вам совершенно определённо: ребёнок напуган, голоден и убеждён, что должен заслужить ваше возвращение послушанием и терпением. Он думает, что вы не приезжаете, потому что он плохо себя ведёт».

После этих слов перо остановилось само собой. Я невольно увидела перед собой Ренгольда, сидящего на узкой кровати, и его серьёзное лицо, когда он говорил: «Я стараюсь привыкнуть». Вчера я и представить не могла, что стану писать незнакомому мужчине о том, как сильно его сын нуждается в нём.

В глазах защипало. Я моргнула, чтобы капля не упала на бумагу, и вывела последние строки.

«Я стала вашей женой на оговорённых условиях и не собираюсь требовать того, чего вы мне не обещали. Но забота о вашем ребёнке не может сводиться к крыше над головой.

Как его законная мачеха я требую для него безопасности, достойного содержания и счастливого детства. Не позволю наказывать его голодом и прошу вас вмешаться, если отданные от вашего имени распоряжения исходили не от вас. Если же они действительно ваши, я намерена обсудить их с вами лично. Ренгольд — маленький мальчик, а не солдат вашего полка. Он очень ждёт своего отца».

Последнюю строчку я написала медленнее остальных. Слишком уж хорошо представляла, как Ренгольд каждый раз спрашивает у приехавших гостей, не вернулся ли папа.

«Ваша супруга, Виен Ильгрейс».

Подпись получилась непривычной. Я много лет писала «Райх», а сегодня уже подписывала бумагу чужой фамилией. Но сейчас от этой фамилии зависело хоть что-то хорошее. Если она давала мне право требовать, чтобы ребёнка кормили, то я собиралась пользоваться ею без всякого стеснения.

Я осторожно подняла лист за уголки, чтобы просушить чернила.

— Вот и всё, — произнесла я. — Теперь он узнает, как живёт его сын.

Глава 46

Экономка, всё это время стоявшая напротив, придвинулась к столу. Я заметила, как её взгляд скользнул по последним строкам письма, и перевернула лист чистой стороной вверх.

— Ах, мадам, зачем же так торопиться? — вкрадчиво произнесла она. — Я совершенно не возражаю против вашей переписки с супругом. Напротив, это так трогательно! Первое письмо молодожёнов… Позвольте, я сама позабочусь об отправке.

Она протянула руку к бумаге. На пальцах блестели тонкие кольца, ногти были ухоженными, с ровным полупрозрачным блеском. Я успела подумать, что эта женщина удивительно мало походила на человека, который целыми днями хлопочет по хозяйству.

— Давайте я отправлю, — повторила госпожа Вальд, заметив, что я не спешу отдать ей лист. — У нас есть слуги для подобных поручений. Вы же не собираетесь лично разыскивать почтовое отделение?

Я сложила письмо пополам, затем ещё раз и прижала к груди. Грубоватый край бумаги зацепился за ткань платья.

— Нет, благодарю. Я отправлю сама.

Её рука так и осталась протянутой.

— Мадам, это совершенно излишне. Вам стоит отдохнуть.

Льюис прекрасно знает, куда доставлять корреспонденцию его превосходительства, а я…

— Я не доверю письмо никому из прислуги этого дома.

Экономка медленно опустила руку.

— Простите?

Я посмотрела ей прямо в лицо.

— Вы правильно расслышали. Я сегодня своими глазами видела, как Ренгольд боится даже прикоснуться к пирожному, а слуги продолжают подавать сладости вашему сыну. Кто-то здесь видел, как мальчика отправляют спать голодным. Кто-то приносил ему единственную тарелку каши за день. Кто-то знал, что его наказывают отсутствием еды, и всё равно молчал.

Меня трясло, но теперь не от растерянности. Я слишком долго стояла и слушала оправдания, пока маленький мальчик боялся признаться, что хочет есть.

— Возможно, они боятся потерять место, — продолжила я. — Возможно, вы запретили им вмешиваться. Но пока я не выясню, кто именно позволял так обращаться с Ренгольдом, я не стану поручать этим людям письмо, в котором жалуюсь на вас. И уж тем более не стану поручать его вам.

На красивом лице госпожи Вальд появились красные пятна.

— Вы обвиняете весь персонал в недобросовестности? Это очень серьёзные слова, госпожа Ильгрейс.

— Да. Именно поэтому я не произношу их перед слугами,

а говорю вам. Вы ведь управляли всем домом. Или теперь хотите сказать, что понятия не имеете, чем занимается ваша прислуга?

Она приоткрыла рот, но промолчала. Я вложила письмо в чистый конверт, найденный в ящике стола, и провела пальцем по клапану. Запечатать его здесь было нечем, но я не собиралась оставлять конверт без присмотра.

— И ещё, госпожа Вальд. Я распорядилась принести Ренгольду еду. Проследите, чтобы он пообедал, — сказала я, поднимаясь из генеральского кресла. — И чтобы сегодня вечером ему подали ужин.

— Он уже…

— Мне не нужны ваши объяснения. Я хочу, чтобы мальчик поел. Когда вернусь, я сама проверю.

Глава 47

Мне пришлось обойти тяжёлое кресло, чтобы выйти из-за стола. Экономка стояла у двери и не двигалась. При виде приближавшейся ко мне хозяйки она машинально приподняла подбородок — так, должно быть, привыкла смотреть на горничных, осмелившихся возразить ей.

Я не остановилась.

— Пропустите меня.

Она посторонилась не сразу. Но когда я оказалась рядом, всё же отступила на шаг и заговорила уже совсем другим, жёстким голосом:

— Не советую вам спешить с этим письмом. Тейнрих не любит, когда вмешиваются в его распоряжения. А еще больше он терпеть не может, когда его отвлекают! Война, мадам, знаете ли, это не светский раут! Так что я на вашем месте трижды подумала, прежде чем выдергивать генерала с передовой!

От её фамильярного обращения к моему мужу снова неприятно кольнуло под сердцем. Она называла его по имени так уверенно, словно действительно имела на это право. Я заставила себя не смотреть на жемчужную брошь, сверкавшую у неё на груди.

— Значит, пусть сам мне об этом скажет. Война — войной, а обед у ребенка по расписанию.

В коридоре пахло полиролью и свежими цветами. Высокие окна пропускали свет, ложившийся на мраморный пол широкими прямоугольниками. Я направилась к лестнице, крепко сжимая конверт, и только тогда поняла, что до сих пор не надела ни шляпы, ни перчаток.

Внизу, возле прихожей, висела моя скромная дорожная накидка. Рядом лежала небольшая шляпка, которую я сняла по приезде. Я успела надеть её, приколоть непослушную прядь волос и уже потянулась к дверной ручке, когда услышала за спиной торопливые шаги.

— Госпожа Ильгрейс! — окликнул меня Льюис.

Тот самый лакей, который утром первым встретил меня у ворот, остановился между мной и парадной дверью. Его лицо было напряжённым; он всё время поглядывал на лестницу, откуда спускалась госпожа Вальд.

— Госпожа велела передать, что для вас могут немедленно подать экипаж. Может быть, вы подождёте в гостиной?

Я посмотрела на его вытянутую руку, которой он почти перегородил мне проход.

— С дороги, Льюис, — произнесла я.

Он вздрогнул и опустил глаза.

— Госпожа, я не хотел…

— Я понимаю, что вам приказали меня задержать. Но теперь я тоже хозяйка этого дома. И я собираюсь выйти. Не заставляйте меня повторять.

Говорить с ним таким тоном было неприятно. Льюис не

казался жестоким, скорее испуганным. Но я невольно вспомнила, как он убирал со стола недоеденное пирожное, на которое смотрел Ренгольд. Он находился рядом и наверняка видел не меньше моего.

Лакей медленно отступил, освобождая дорогу. Я прошла мимо и сама распахнула тяжёлую дверь.

Снаружи меня встретил прохладный воздух. После душных коридоров он показался особенно свежим, и я невольно вдохнула полной грудью. Позади остался огромный дом с каменными драконами у крыльца.

Я оглянулась на высокие окна, за которыми где-то наверху сидел Ренгольд, и на мгновение почувствовала себя жестокой: только что пообещала мальчику не исчезать, а теперь уходила.

Но я ведь собиралась вернуться.

И на этот раз хотела привезти с собой доказательство, что попыталась ему помочь.

У ворот стоял обычный почтовый ящик, украшенный медным гербом Ильгрейсов. В него наверняка опускали счета, приглашения, письма управляющему и распоряжения для прислуги. Я задержалась возле него, прислушиваясь к звону ключей сторожа, и уже представила, как кто-нибудь из людей госпожи Вальд спокойно откроет ящик, достанет мой конверт и передаст хозяйке.

Нет уж. В этом доме слишком многое происходило за закрытыми дверями.

Глава 48

Я направилась к дороге, ведущей в город. Ещё когда мы ехали сюда с поверенным, я заметила на перекрёстке вывеску магической почты — серебряный конверт с крылышками. Тогда мне и в голову не пришло, что придётся самой разыскивать это место в первый же день замужества.

Когда-то папа часто отправлял меня на почту по делам верфей. В хорошие времена этим занимались приказчики, а потом, когда денег стало не хватать, я научилась делать всё сама: запечатывать деловые письма, заполнять квитанции, проверять оплату.

Правда, чаще приходилось считать каждый медяк. Теперь же я собиралась отправить письмо за счёт человека, который, по словам собственной экономки, был сказочно богат.

Я шла по обочине, придерживая накидку на груди. С дороги тянуло влажной землёй и остывающим камнем. Несколько раз мимо проехали экипажи; одна нарядная дама в открытом ландо с любопытством посмотрела на моё простое платье, но я слишком торопилась, чтобы переживать о впечатлении, которое производила.

Возле поворота, где садовая ограда скрывала дорогу, я заметила тёмный экипаж. Он стоял чуть в стороне, за густыми кустами, так что со стороны поместья его почти не было видно. Лошади переминались, возница держал поводья на-

тянутыми, словно ожидал, что ему в любую секунду прикажут трогаться.

Я невольно замедлила шаг.

В голове ещё звучали слова экономки о том, что я совершаю роковую ошибку. Неужели она уже успела послать кого-нибудь следить за мной? Но на козлах сидел незнакомый мужчина в тёмной шляпе. Он отвернулся, когда заметил мой взгляд.

Может быть, кто-нибудь из гостей остановился здесь перед визитом. Не стоит видеть заговор в каждой карете, мелькнувшей за кустами.

Я заставила себя идти дальше, хотя пару раз всё-таки оглянулась.

Дорога вывела меня к небольшой площади. Здесь пахло свежеиспечённым хлебом, рыбой с утреннего рынка и дымом из труб. Прохожие спешили по своим делам; две женщины спорили у овощной лавки о цене яблок, мальчишка разносил газеты, громко выкрикивая последние новости с фронта. При слове «фронт» я крепче сжала конверт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.